

# Шепот скандала

**Автор:**

[Никола Корник](#)

Шепот скандала

Никола Корник

Маскарад – HarlequinСкандальные дамы высшего общества #1

Леди Джоанна Уэр из рода Тонов по завещанию своего умершего мужа-ловеласа должна заботиться о его внебрачной дочери совместно с его лучшим другом – авантюристом лордом Алексом Грантом, с презрением относившемся к Тонам. Джоанна и Алекс поссорились в первую же встречу. Смогут ли они сохранить хотя бы видимость вежливости, чтобы воспитать осиротевшую девочку? А что произойдет, если их ожесточенная враждебность перерастет в столь же горячее влечение? И нужно ли тогда остерегаться этой скандальной женщины?

Никола Корник

Шепот скандала

Мной управляют яростные фантазии,

Которым властелин – я.

С пылающим копьем и верхом на призрачной лошади

Неторопливо двигаюсь я в сторону неизведанных земель, в никуда,

Где мне предстоит сразиться на турнире

С рыцарем – повелителем призраков и теней

В месте, расположенном на расстоянии десяти лье за концом света.

Я думаю, что это путешествие – далеко не развлечение.

Из «Песни Сумасшедшего Тома».

Автор неизвестен, около 1600 г.

## Часть первая

Соломенная вдова [1 - Соломенная вдова – замужняя женщина, чей муж должен вернуться через определенное время, обычно после путешествия по морям. Слово «солома» здесь соотносится с матрасом, который обычно и набивают соломой. «Вдову» оставляют дома на соломе (матрасе). Это выражение также может означать покинутую любовницу. Оно имеет оттенок недоброжелательности, двусмысленности и злопыхательства.]

Лондон, май 1811 года

## Глава 1

Он опоздал. Опоздал на восемнадцать месяцев. Алекс Грант немного задержался на ступеньках лондонского особняка леди Джоанны Уэр на Хаф-Мун-стрит. Если бы он ожидал увидеть что-нибудь, что указывало бы на траур в доме, он был бы невероятно огорчен. Но на окнах не было черных занавесей, а большой серебряный дверной молоток указывал на то, что гостям здесь рады. Леди Джоанна, скорее всего, уже давным-давно отказалась от вдовьего траура, ровно через двенадцать месяцев после того, как ей сообщили о смерти мужа.

Алекс приподнял серебряную ручку двери, и она открылась с легкостью и бесшумно. Угрюмый дворецкий в черном стоял в дверном проеме. До времени,

когда приличествовало нанести визит, было еще далеко. Дворецкому тем не менее удалось довести эту информацию – а также свое неудовлетворение – до Алекса: он всего лишь изогнул бровь.

– Доброе утро, милорд. Чем могу служить?

Милорд. Дворецкий не знал его, тем не менее выбрал правильное обращение, безошибочно определив его социальный статус. Это произвело на Алекса впечатление, хотя он именно этого и ожидал от дворецкого такой выдающейся и знаменитой светской львицы, какой была леди Джоанна Уэр. Приветствие прозвучало совсем не гостеприимно, в нем слышалось предостережение, что леди Джоанна не принимает всякий сброд.

– Я бы хотел увидеть леди Джоанну, – сказал Алекс.

Это было не совсем правдой. У него не было ни малейшего желания видеть леди Джоанну Уэр, и только суровое чувство долга, обязательство перед умершим коллегой заставило его прийти и отдать дань уважения его вдове. Но, увидев, что она не скорбит, потеряв такого потрясающего и уважаемого мужа, каким был лорд Дэвид Уэр, Алекс возмущился до глубины души, и его желание общаться с леди Джоанной и вовсе пропало.

Дворецкий, который был слишком вышколен, чтобы оставить Алекса стоять на ступеньках, как простого торговца, сделал шаг назад и пропустил его в холл, хотя с его лица не исчезло выражение большого сомнения в правильности того, что он делает.

Изящный проход к закругленной лестнице был выложен мраморными и каменными черно-белыми плитками. Два лакея-близнеца в ливреях, ростом под два метра, как отметил про себя Алекс, застыли по обе стороны входа. А из соседней комнаты раздался громкий женский голос:

– Кузен Джон! Будьте любезны мужественно принять то, что есть, и прекратите изводить меня своими нелепыми предложениями о замужестве! Мало того что вы утомляете меня, вы еще и стоите на моем новом ковре. Я купила ковер, чтобы наслаждаться его видом, а вовсе не для того, чтобы на нем стояли на коленях докучливые поклонники.

– Леди Джоанна помолвлена с мистером Хаганом, – сообщил Алексу дворецкий.

– Напротив, – возразил Алекс. – Она только что заявила обратное.

Он быстро пересек холл и распахнул дверь, невзирая на возмущенный возглас дворецкого и с удовольствием глядя на ужас, который отразился на безжизненных строгих лицах лакеев-близнецов. Комната, в которую он вошел, была библиотекой, ее заливал солнечный свет, а стены, выкрашенные в лимонный и белый цвет, придавали ей свежесть. В камине горел огонь, хотя майское утро было теплым. На коврике перед камином лежала маленькая пушистая серая собачка с очаровательным хохолком, подвязанным голубой ленточкой. Собачка выглядела такой же строгой и неприступной, как и лакеи; она подняла голову и уставилась на Алекса любопытными карими глазками. В воздухе витал аромат лилий и пчелиного воска. В комнате было тепло и уютно. Алекс, у которого последние семь лет не было постоянного дома, резко остановился. Отдыхать в такой комнате, снимать книги с этих полок, наливать коньяк из графина, утопать в глубоком кресле перед огнем – все это вдруг показалось ему весьма соблазнительным.

А может быть, и нет...

Но величайшим искушением конечно же была женщина, которая стояла у высокого окна библиотеки. Солнечный свет освещал ее густые каштановые волосы. У нее было продолговатое лицо. Синие глаза были широко расставлены, а соблазнительные полные губы притягивали к себе. Она ни в коей степени не была красива в общепринятом понимании этого слова: слишком высокая, слишком худая, а ее лицо было слишком необычным, но это не имело ни малейшего значения. Она была ослепительна в своем утреннем халате цвета спелой вишни и с такой же лентой в волосах. Здесь не было и намека на траурные одежды.

Алексу хватило времени, чтобы заметить, насколько привлекательна леди Джоанна Уэр. Увидев его, она направилась к нему через всю комнату.

– Дорогой! Тебя так долго не было! Я жду тебя уже несколько часов! – Она кинулась в его объятия. – Движение по Пикадилли было ужасным, да?

Ее тело было теплым и податливым в руках Алекса, как будто создано специально для него. Сильная дрожь пронзила его, как будто нахлынуло воспоминание, прячущееся где-то глубоко. От леди Джоанны пахло цветами. На какое-то мгновение, когда ее лицо было повернуто к нему, Алекс увидел в ее синих, широко раскрытых глазах ужас и безмолвную просьбу, но затем она положила руку на его шею, приблизила губы к его губам и стала целовать его так, будто все, что она сказала перед этим, было действительно правдой. В ту же секунду Алекс почувствовал возбуждение. Все его тело откликнулось на то невероятное искушение, которое вызвало прикосновение ее губ, таких холодных, мягких и соблазнительных. По зрелом размышлении он подумал, что, вероятно, поцелуй леди Джоанны Уэр мог покончить с его двухлетним воздержанием, но в тот момент он не думал ни о чем, лишь прижимал к себе ее тело и ощущал острую необходимость оказаться с ней в постели. Жар охватил его тело, страстное желание стало совсем невыносимым. Но тут леди Джоанна сделала шаг назад и высвободилась из его объятий, оставив ему только волшебное обещание и неловкость от осознания реальности. В те секунды, когда ее губы прикоснулись к его губам, он с трудом сдержал стон. В ее синих глазах мелькнул озорной огонек, когда она мельком посмотрела вниз, на его брюки.

– Дорогой, а ты и впрямь рад видеть меня!

Она назвала его «дорогой», поскольку не знала, кто он на самом деле, понял Алекс и, сделав несколько шагов, укрылся за письменным столом из палисандрового дерева, заваленным книгами, чтобы спрятать уж слишком откровенное желание своего тела. Он улыбнулся ей, как бы бросая вызов. Раз она ведет себя настолько вызывающе, он может ответить ей тем же. Она того заслуживала, используя его, ничего не зная о том, кто он, и даже не заботясь узнать об этом, подумал Алекс.

– Какой же мужчина не будет рад видеть тебя, дорогая, – сказал он. – Разве мое нетерпение нельзя простить? Мне кажется, что прошли дни, а не часы с тех пор, как я покинул твоё ложе... – Алекс не обратил внимания на ее громкий вздох и обернулся ко второму обитателю комнаты – изрядно покрасневшему мужчине средних лет, который наблюдал за ними с вытаращенными глазами и широко разинутым ртом. – Прошу прощения, сэр, я не расслышал вашего имени, – растягивая слова, произнес Алекс, – но, боюсь, вы слишком запоздали со своими заверениями в любви. Леди Джоанна и я... – Он многозначительно оставил предложение незаконченным.

– Дорогой! – Теперь в голосе Джоанны уже звучал упрек, и Алекс даже услышал нотку злости. – Ты ведешь себя не как джентльмен, выставляя наши отношения напоказ.

Алекс подошел к леди Джоанне, взял ее руку, повернул ладонью вверх и поцеловал.

– Прости меня, – пробормотал он, – но я подумал, что ты уже показала, как мы близки, тем незабываемым поцелуем. Разве не так?

Губами он ощущал ее бесподобно мягкую кожу. Алекс вновь почувствовал непреодолимое, беспощадное желание. Он всегда был разборчив в любовных делах, но с тех пор, как умерла его жена, не испытывал недостатка в женском внимании, приятных необременительных отношениях, не требующих никаких душевных волнений. Но с этой женщиной у него совершенно не могло быть никаких любовных интрижек. Она была вдовой его лучшего друга, и Уэр в свое время предупредил его, что этой женщине нельзя доверять. Но даже теперь, когда Алекс прекрасно понимал все причины, по которым ему стоит держаться от Джоанны Уэр как можно дальше, его тело совершенно отчетливо утверждало, что он может и не любить ее, но хочет ее. И это желание было очень сильным.

Леди Джоанна вырвала свою руку из его рук. Ее щеки слегка порозовели, а в глазах промелькнула холодная жестокость.

– Не уверена, что прощаю тебя. – В ее тоне слышалась скрытая угроза. – Я очень сердита, дорогой. – Это последнее слово она словно прошипела сквозь зубы.

– Не сомневаюсь, что так оно и есть, любимая, – спокойно ответил Алекс.

Испытывая одновременно такие крайне противоположные чувства, как острое желание и неприязнь, он почти совсем забыл о Хагане, который теперь сдержанно откланивался.

– Похоже, мадам, я здесь явно не к месту, – обратился он к Джоанне и, едва кивнув Алексу, гордо вышел из библиотеки, хлопнув дверью.

Наступила тишина, в которой слышалось лишь, как переворачиваются страницы книги, которая упала со стола из палисандрового дерева, да как шипит и потрескивает огонь в камине. Леди Джоанна повернулась к нему, и снова Алекс ощутил ее пристальный взгляд. Ее глаза сузились, она размышляла, оглядывая и оценивая его, положив руки на бедра и чуть склонив голову. Ее наигранное удовольствие от его присутствия полностью испарилось, когда они остались одни. Между ними возникла такая злость и неприязнь, что их буквально можно было ощутить физически.

– И кто же вы, черт побери? – спросила она.

На самом деле леди Джоанна прекрасно знала, кто он. Просто была выбита из своего привычного состояния поцелуем. Никогда в своей жизни она не чувствовала ничего более приятного и волнующего, ничего более откровенно искушающего, чем поцелуй этого мужчины. Джоанна намеревалась всего лишь слегка коснуться его губ, легкое, ничего не значащее, ничего не обещающее прикосновение. Но когда его губы завладели ее губами, она испытала огромное желание провести пальцами по жестким выпуклостям и твердым линиям его лица и тела, изучая его, наслаждаясь его кожей, вдыхая его аромат. Это желание было настолько сильным, что она почувствовала слабость в коленях при одной только мысли об этом. Горячий водоворот желания возник где-то внутри ее тела, хотя она и не ожидала, что когда-нибудь сможет испытать это чувство снова.

Итак, это был Алекс Грант, лучший друг ее вечно странствующего мужа, с которым они вместе путешествовали, и он, так же как и Дэвид, скитался по морям в поисках славы и приключений, пытаясь найти тот самый таинственный торговый путь в Китай или что-то еще, столь же бесполезное. Теперь она вспомнила его. Алекс Грант был шафером Дэвида, когда состоялась их свадьба десять лет назад. Но даже сейчас Джо почувствовала неприятный укор, когда вспомнила, как счастлива была в тот день. Беспочвенные надежды и неумение принимать правильные решения привели ее к несчастливому браку. Но в то солнечное майское утро все последующие разочарования были еще далеко в будущем. Алекс тогда был невероятно хорош собой, да и сейчас он выглядел великолепно, хотя годы, конечно, не могли не наложить на него отпечаток. У него была жена, которая всюду следовала за ним, припомнила Джоанна, хорошенькая миниатюрная блондиночка, беспечная и веселая. Аннабел, Амелия? Ее имя, кажется, начиналось на «А». Джоанна не могла сейчас вспомнить, как ее зовут. Она с восхищением смотрела на Алекса и была очаровательна и

воздушна, как пушинка.

В душе у Джоанны нарастал гнев. У нее не было привычки целовать мужей других женщин, особенно с тех пор, как она обнаружила, как много других женщин целуют ее мужа. Измены Дэвида не были ни для кого секретом, но леди Джоанна не испытывала ни малейшего желания следовать его примеру. То, что она поцеловала Алекса, было ошибкой во многих отношениях. Придя в себя, она теперь чувствовала злость по отношению к нему, считая его еще одним заигрывающим с ней мерзавцем.

Алекс поклонился. Он сделал это с изяществом, хотя она собиралась выставить его, как неотесанного матроса, одетого в вылинявшую форму, которую он взял на время у капитана. Не имело значения, что форма сидела на нем превосходно, подчеркивая его широкие плечи и мускулистую фигуру. Это был мужчина, в каждом жесте которого чувствовались сила и властность. Совсем как Дэвид... Она вздрогнула.

– Александр, лорд Грант, к вашим услугам, леди Джоанна, – сказал он.

– К моим услугам в большем количестве, чем мне это требуется, думаю, – холодно ответила Джоанна. – У меня нет ни малейшего желания заводить любовника, лорд Грант.

Он улыбнулся, обнажив белые зубы:

– Я – одинок.

Лжец. Она прекрасно знала, что он недолюбливал ее так же, как и она его.

– Сомневаюсь, – сказала она. – Что позволило вам предположить это вопиющее безобразие?

– А что позволило вам поцеловать меня, если вы не желали этого делать?

И снова воздух между ними стал плотным от напряжения, которое ощущалось, как туго натянутая нить. Джоанна слегка пошевелила пальцами, как будто этот вопрос не имел для нее никакого значения.

– Будь вы джентльменом, вы сказали бы, что мы помолвлены, а не любовники. – Она остановилась и сердито посмотрела на него. – Хотя, насколько мне известно, наличие у вас жены полностью исключает подобные действия с вашей стороны.

Алекс немного замешкался, но потом его лицо прояснилось.

– Я – вдовец, – сказал он.

Он был краток, признала Джоанна. В этом он не был похож на Дэвида, который всегда старался завоевать расположение у женщин, делая витиеватые комплименты, Алекс же был немногословен, даже чересчур. Совершенно очевидно, что его не волновало мнение других – хорошее или плохое, – ему было все равно.

– Мои соболезнования, – произнесла она дежурную фразу. – Я помню вашу жену. Она была очаровательна.

Алекс мгновенно замкнулся, как будто захлопнулось окно. Его лицо стало холодным, недоступным... Было ясно, что он не собирается обсуждать Аннабел... Амелию, или как там ее звали.

– Спасибо. – Его слова прозвучали довольно резко. – Но я думал, что пришел сюда выразить свои соболезнования вам, а не принимать их.

– Пожалуйста, если вы настаиваете. – Джоанна тоже при желании могла быть лаконичной, особенно если была рассержена.

– Вы не носите по мужу траур? – В голосе Алекса звучали одновременно осуждение и злость.

– Дэвид умер больше года назад, – ответила Джоанна. – И вы это прекрасно знаете. Вы были там.

Алекс Грант написал ей из Арктики, где проходило последнее морское путешествие Дэвида, целью которого было найти северо-восточный торговый путь через полюс. Путешествие, выражаясь литературно, имело бесславный

конец в бесконечных пространствах вечного льда. Письмо было кратким, и в нем не содержалось ни одного лишнего слова, что было характерно для этого мужчины, хотя она все-таки почувствовала его глубокую скорбь от потери товарища. Джоанна же не чувствовала боль от потери и не хотела притворяться.

Взгляд темных глаз Алекса прожигал ее. Она ощущала, как трудно ему сдерживаться и вести себя в рамках приличий, настолько сильно он осуждает ее.

– Дэвид Уэр был великим человеком, – проговорил он сквозь зубы. – И он, несомненно, заслужил большего, чем все это. – Он жестом показал на залитую ярким светом комнату, где не было и намека на траур.

Он заслужил большего, чем вы...

Джоанна услышала эти слова, хотя они и не были произнесены вслух.

– Мы уже давно не были мужем и женой, – сказала она, маскируя небрежным тоном душевную боль. – Вы были его другом. Вы наверняка знали об этом, не так ли?

Он так сильно сжал губы, что они превратились в тонкую линию.

– Я знал, что он вам не доверяет.

Джоанна повела плечом:

– Я также не доверяла ему. И вы считаете, что я должна добавить еще и лицемерие к своим грехам и притворяться, что меня огорчает его смерть?

– Уэр был герой, – сказал Алекс.

О! Джо слышала эти слова так много раз, что ей хотелось выть! В самом начале она тоже искренне верила, что это – правда, она была родом из далекой малоизвестной местности, где ее отец служил приходским священником, и воинствующий дух Дэвида произвел на нее такое неизгладимое впечатление, что она увлеклась им. Но он изменил ей почти сразу же после свадьбы, чернила

едва успели высохнуть на свидетельстве о браке, потом опять было предательство, теперь уже более серьезное, годами позже... Она сжала кулаки, ладони были горячие и влажные. Алекс Грант наблюдал за ней, и от его внимательного взгляда ничего не укрылось. Усилием воли Джоанна заставила себя расслабиться.

– Конечно, он был герой, – пренебрежительно заявила она. – Все говорят так, значит, это, должно быть, правда.

– Тем не менее вы уже рассматриваете возможность найти ему замену, – сказал Алекс. – Я слышал разговоры в клубах, говорят, ваши поклонники сбиваются с ног, чтобы завоевать вашу руку.

На секунду его прямолинейность ошеломила Джоанну, но затем она почувствовала ярость. Интересно, что Дэвид наговорил ему о ней. Видимо, вполне достаточно, чтобы Алекс возненавидел ее – в этом она не сомневалась. Его отвращение по отношению к ней было не просто очевидным, она ощущала, что его неприязнь – это глубокое постоянное чувство и тот поцелуй не имеет никакого значения, каким бы искусным и искушающим он ни был.

– Если вы будете слушать сплетни в клубах, то услышите только ложь, – пояснила она. – Вы ошибаетесь, лорд Грант. У меня нет ни малейшего желания снова выходить замуж.

Никогда.

Он немного приподнял бровь:

– Значит, вы просто так целуете незнакомцев?

Да, этот мужчина может привести в ярость, рассердилась Джо. Он просто невыносим. Она злилась, потому что не имела оправдания. Ведь это она поцеловала его, а не наоборот. Но это был импульс, отчаянная попытка избавиться от Джона Хагана, кузена ее мужа, который последнее время становился все более и более настойчивым и возмутительно докучливым в своих намерениях. Надо же было выбрать того единственного мужчину в Лондоне, который не только поддержал бы ее обман, но и усугубил бы ситуацию тем, что объявил ее своей любовницей.

– Уверена, что очень скоро вы в этом убедитесь, – заявила она довольно спокойно. – Объявив о нашей с вами очевидной связи, вы вызовете переполох в обществе. Джон Хаган не станет терять время и всячески поспособствует тому, чтобы о скандале узнало как можно больше людей. Мне кажется, что это совсем не то, что вы собирались сделать, когда пришли сюда выразить соболезнование.

– Я просто сделал то, что вы ожидали от меня.

Взгляд его темных глаз не отрывался от нее, и в них снова читалось осуждение. Там не было ни расположения, ни восхищения, которые она привыкла видеть во взглядах, обращенных на нее, в его же глазах была только холодная расчетливость. А был ли он действительно другом Дэвида? Он проявлял спокойствие там, где Дэвид спешил, был непредсказуем и легко поддавался чужому влиянию. Черты лица Алекса были твердыми, как будто вытесаны из камня его шотландскими предками.

– Так почему же вы все-таки меня поцеловали? – В его голосе слышался легкий мелодичный шотландский акцент. – Я уже спрашивал вас об этом, но, кажется, у вас дурная привычка не отвечать на вопросы, которые вам не нравятся.

Черт его побери, он и это заметил! Джоанна приподняла подбородок.

– Мне нужно было, чтобы Джон Хаган прекратил опекать меня с таким усердием, – сказала она и обхватила себя руками, словно пытаясь защититься от того страха, который охватывал ее, когда Джон Хаган находился поблизости. – Он – кузен Дэвида, – пояснила она, – и теперь претендует на место главы семейства.

– Помимо этого места он также претендует и на вдову своего кузена.

Услышав его тон, Джоанна прищурилась:

– Как вы изволили слышать.

– Поэтому вы прибегнули к радикальному средству.

У Джоанны даже мурашки пробежали по коже, когда она услышала нотки недоверия, четко прозвучавшие в его голосе.

– Джон бы не принял более мягкий отказ. Он уже не первую неделю домогается меня.

– Какая удача, что я оказался здесь. Или вам пришлось бы позвать одного из своих слуг – тех красавцев лакеев – и поцеловать его вместо меня?

Джоанна почувствовала, как теряет контроль над собой. В этом человеке было что-то, что разрушало ее способность защищаться, что-то настолько дерзкое, что она ощущала это всем телом. Она не могла не признать, что Алекс был невероятно привлекательным, но у нее не было никакого желания поддаваться его обаянию. Джо уже давно пришла к выводу, что мужчины в основном доставляют больше хлопот, чем они того заслуживают. В этом смысле она предпочитала собак. Макс, который лежал, так уютно устроившись на своей подушке, любил ее с самым непосредственным обожанием, которое намного превосходило все те чувства, которые когда-либо выказывали ей ее ненадежные партнеры.

– Мои лакеи действительно очень интересные мужчины, разве не так? – снисходительно ответила Джоанна. – Вот уж не ожидала, что вы обратите внимание на их внешность.

– Вы ошибаетесь. – Алексу, похоже, стало смешно. – Просто я отметил, что вы окружаете себя красивыми и дорогими предметами. Лакеи, собака... – Он посмотрел вокруг, как бы подтверждая свои слова: ваза с лилиями, которую Джо специально поместила в центре стола из палисандрового дерева, элегантный фарфор, размещенный на каминной полке, а также коллекция ее акварелей.

Почему-то его внимательный осмотр заставил Джоанну почувствовать себя не очень уютно, как будто у нее отняли уверенность, что все здесь подобрано с хорошим вкусом. Да как он смеет так пренебрежительно относиться к этому!

– Я также слышал, что вы – всеобщая любимица светского общества, – сказал Алекс. – Уверен, что это-то абсолютная правда. Надеюсь, это доставляет вам удовольствие.

– Это очень приятно.

Джо никогда не стремилась быть в центре внимания, тем не менее приобрела в обществе популярность и влияние. Леди Джоанна подсчитала, что за девять лет своего замужества она провела с Дэвидом года полтора-два, а может быть, и меньше, поэтому, чтобы избавиться от одиночества покинутой на годы жены, она выстроила свой стиль, который позволил ей полюбить ту жизнь, которую она себе создала.

– Вы были не менее известны, когда последний раз были в Лондоне, – резко напомнила она Алексу.

Три года назад Дэвид и Алекс вернулись из морской экспедиции в Южную Америку и привезли оттуда огромное количество рассказов о том, как им приходилось прорубать путь сквозь густые джунгли, как они нашли там древние руины и как на них нападали дикари.

По крайней мере, Дэвид всем этим хвастался и даже показывал следы от укуса какой-то огромной кошки, которые остались у него на руке. Джоанна тогда с необъяснимой жестокостью пожалела, что зверь не съел его, а был застрелен за свою дерзость. Она ненавидела то, как Дэвид буквально утопал в своей славе, когда он, едва держась на ногах, пьяным являлся домой из борделя под утро и от него разило духами. Все это было такой дешевой. Дэвид хвастался везде, начиная от вертепов с игральными столами и публичных домов и заканчивая залами, где проходили балы. Он был наглым и вульгарным, но люди прощали ему это, считая, что это часть его широкой натуры. Ведь Дэвид Уэр был героем, обожаемым всеми... Боль и потери переплелись в ее душе. Когда она выходила замуж, то ждала, что ее жизнь будет совершенно другой, что у нее будет любящий муж и куча детей. Да, она была потрясюще наивна.

Алекс же, наоборот, как она помнила, пренебрег назойливым вниманием великосветского общества и уехал в Шотландию, в то время как его товарищ приписывал себе подвиги и почитал на лаврах славы. И теперь Джо заметила, что уголки губ Алекса презрительно опустились вниз, когда она напомнила ему о его популярности.

– Я не ищу известности. – В его устах эти слова прозвучали так, как если бы она предположила, что он замешан в каких-то противозаконных и постыдных делах

одновременно. – Вы не сможете обвинить меня в том, что я стараюсь снискать расположение общества, пока нахожусь здесь. В общем-то я планирую покинуть Лондон, как только получу приказ адмиралтейства.

– Для начала вам нужно убраться из моей кровати, – съязвила Джоанна. – Вы же заявили во всеуслышание, что вы там как у себя дома.

И снова Алекс улыбнулся ей той обескураживающей непредсказуемой улыбкой. Он был искушитель, но не поклонник.

– Мне кажется, я получу от этого удовольствие, – пробормотал он.

– Да уж, конечно.

– А как вы меня оттуда выгоните?

Джоанна склонила голову набок и оценивающе оглядела его:

– Пока не знаю. Но будьте уверены, что это будет известно всем и унинительно для вас.

Его улыбка стала шире.

– Это того стоило.

Джоанна подала ему руку:

– Итак, лорд Грант, я благодарю вас за визит и желаю вам всего хорошего во время ваших будущих странствий.

Он снова прикоснулся к ней. Вероятно, это было ошибкой, нельзя было этого допускать, так как при прикосновении она ощутила необъяснимую дрожь. На какую-то долю секунды Джоанна подумала, что он снова собирается поцеловать ее, и ее сердце усиленно забилося. Она почти осязала притягательное тепло его губ, вдыхала аромат его тела, его вкус...

– До свидания, леди Джоанна, – сказал Алекс. Но руку ее не отпустил. – Если у вас когда-либо появится необходимость завести любовника...

– Не стоит беспокоиться, вас я не стану тревожить, – ответила Джоанна. – Герои – не в моем вкусе.

Пожалуй, меньше всего ей хотелось бы общаться сейчас еще с одним героем, подумала она. Мысль об этом приводила ее в ужас. В свое время она решила, что ее герой – Дэвид. Она обожествляла его. А потом поняла, что он – негодяй и хам, призрак героя, глиняный идол.

Алекс улыбнулся ей. Его теплая улыбка привела ее в замешательство. У нее закружилась голова, и она едва смогла вдохнуть, пока он не отпустил ее руку, ну совсем как молоденькая девушка.

– Тогда позвольте пожелать вам приятного дня, – сказал Алекс.

Он поклонился и исчез так быстро, что она даже не успела прийти в себя и позвонить дворецкому, чтобы тот проводил его. Но и теперь, когда дверь за ним закрылась, Джо все еще могла ощущать, как воздух в библиотеке раскалился от его присутствия, настолько напряженной была эта встреча.

Она присела на коврик и обняла Макса, который вздохнул, почувствовав прикосновение ее рук. Джо задумалась. «Мне не нужен еще один герой, – размышляла она. – Я буду полной дурой, если когда-нибудь снова выйду замуж». Только на секунду ею овладела боль, прячущаяся где-то в глубинах сознания, но она уже так давно привыкла не обращать на нее никакого внимания, что та исчезла так же быстро, как и появилась, оставив после себя привычную пустоту. Джоанна положила подбородок на хохолок на голове Макса и вдохнула его запах. Маленькое тельце собачки было теплым, Макс чувствовал себя уютно в ее объятиях.

– Мы пойдем за покупками, Макс, – сказала Джоанна. – Как мы всегда делаем.

Покупки, балы, вечеринки, верховая езда в парке, обычные дела, знакомая обстановка, окружающая ее пустота постепенно привели ее в привычное состояние.

Поворачивая с Хаф-Мун-стрит на Кёрзон-стрит, Алекс думал об очаровательной вдове Дэвида Уэра. В том, что ее окружала толпа мужчин, не было ничего удивительного. Она была эффектной и необыкновенно яркой женщиной, которая за холодной уверенностью прятала сильную страсть, которая могла бы свести с ума любого мужчину. Джоанна была наградой, самым ценным подарком, который когда-либо мог получить мужчина. Кому бы не хотелось, чтобы такая женщина украшала его дом и согревала его постель? Алекс подумал, что, должно быть, он единственный мужчина в Лондоне, которому не нравится леди Джоанна Уэр, но это не мешало ему желать ее.

Он хорошо помнил последние, не лишённые горечи слова Уэра о своей жене, когда тот был уже на смертном одре и лихорадка терзала его тело. Его лицо было бледным от боли и горечи.

– Нет нужды просить тебя позаботиться о Джоанне... Она всегда могла это делать самостоятельно...

Теперь Алекс понимал, как могло сформироваться подобное мнение. Леди Джоанна обладала не только хладнокровием, но и хрупкой сдержанностью, которые не привлекали мужчин, желавших, чтобы их женщины были радостные и веселые и повиновались им по первому требованию. Но в ней Алекс почувствовал не только силу, но и уязвимость. Он увидел это в ее глазах, когда она попыталась использовать его как средство защиты против Джона Хагана. Но может быть, ему это только показалось. Без сомнения, леди Джоанна умела манипулировать мужчинами, чтобы добиться своего. И конечно же она попыталась использовать его, но в результате получила гораздо больше, чем рассчитывала.

Любовник леди Джоанны...

Одна лишь мысль об этом заставила его напрячься. Он никогда не считал себя человеком, наделенным богатым воображением, так как превыше всего ставил холодный разум, но сейчас он, к своему удивлению, обнаружил в себе скрытые возможности, о которых раньше и не подозревал. Оказаться в постели с Джоанной Уэр, сорвать с нее это соблазнительное красное платье и обнажить ее белоснежное тело, прикоснуться к нему губами, раствориться в ней и дать друг другу высшее, невыносимое наслаждение... Он чуть было не врезался в

фонарный столб, настолько захватили его эти мысли. Алекс чувствовал себя наготове, как неоперившийся юнец. Все его тело было напряжено, он никогда не испытывал такого раньше. Джоанна Уэр была для него всегда недостижима. Она ему даже никогда не нравилась. Он был человеком, который жестко контролировал свои физические потребности и никогда не испытывал эмоциональных всплесков. Так было все время с тех пор, как умерла Амелия, и у него не было намерений что-либо менять в сложившейся ситуации.

Алекс неосознанно ускорил шаг, хотя никуда не мог убежать от воспоминаний или, пожалуй, чувства вины, которое было связано со смертью его жены. Он не мог избавиться от этих призраков прошлого. Но теперь почему-то вдруг вспомнил последние слова Дэвида Уэра: «Джоанна... чтоб ее черт забрал...»

Что же заставило Уэра так сильно невзлюбить свою жену? Да, пожалуй, невзлюбить – слишком мягкое слово для того, чтобы описать его злобу. Ту его ненависть... Алекс вздрогнул, пытаясь отогнать воспоминания. Он исполнил свой долг. Он посетил эту «убитую горем» супругу и доставил адвокату Уэра письмо, которое вручил ему его умиравший друг. Вопрос закрыт, обязательства выполнены. Он спокойно поживет в гостинице, пока не получит известие из адмиралтейства о своем следующем назначении. Будем надеяться, это не займет много времени, подумал Алекс.

В отличие от многих морских офицеров, которые с удовольствием проводили время на суше, он с нетерпением ждал выхода в море. Май в Лондоне был в самом разгаре, воздух насыщен ароматом распустившихся цветов, буйство красок обещало скорую летнюю пору. Наверное, этот город навевал на него слишком много воспоминаний. А может быть, это потому, что он не был в Англии слишком долго, чтобы чувствовать себя здесь снова как дома. Честно говоря, у него не было дома. Он и не хотел его иметь, не было такого желания уже семь лет – пока не вошел в библиотеку Джоанны Уэр, где почувствовал волнение, вызванное теплом и уютом жилища. Но подобные радости вряд ли когда-нибудь станут частью его жизни.

– Алекс! – окликнул его кто-то с противоположной стороны улицы.

Алекс повернулся и увидел, как высокий светловолосый привлекательный молодой человек направляется к нему сквозь толпу пешеходов и поток проезжающих карет. Он шел уверенно, осознавая свое неоспоримое превосходство, понимая, что притягивает восхищенные взгляды всех женщин,

мимо которых он проходил. В его сторону, как по команде, поворачивались головы. Женщины трепетали и раскачивались, как на волнах, в его присутствии, а он в свою очередь раздавал всем им такие соблазнительные улыбки, что, как подумал Алекс, рано или поздно одна из дам неизбежно упадет в обморок. По мере того как мужчина, широко улыбаясь, приближался к Алексу, тот охнул, узнавая его.

– Как всегда, перекрываешь движение, Дев?

– А что еще мне было делать? – усмехнулся его кузен.

Дев с энтузиазмом пожал руку Алекса:

– Тебя трудно найти, Алекс. Я искал тебя по всему Лондону.

Они пошли в ногу, Дев старался подладиться под походку Алекса, которой слегка прихрамывал.

– Я думал, ты с эскадром Восточной Индии, – сказал Алекс. – Когда вернулся?

– Две недели назад, – ответил Джеймс Девлин. – Ты где остановился? Я спрашивал о тебе в Уайте, но там мне ничего не сказали.

– Я – в Гриллоне, – пояснил Алекс.

Кузен удивленно уставился на него:

– С какой это стати?

– Потому что это – хорошая гостиница. И я не хочу, чтобы меня можно было легко найти.

Девлин рассмеялся:

– Теперь мне понятно. Что-то натворил? Обесчестил пару молоденьких девиц? Захватил испанский корабль или два?

Алекс натянуто улыбнулся:

– Насиловать девушек – не мой стиль. Да и пиратство тоже. – Он внимательно посмотрел на кузена и задумался. – Я слышал, ты в прошлом году высадишься в Плимуте с испанскими золотыми канделябрами высотой метра полтора, которые были привязаны к топ-мачте.

– Ошибаешься, – ответил Девлин, усмехаясь. – Это был Томас Кокрайн. А у меня на грот-парусе был алмазный подсвечник.

– Ничего себе! – невольно воскликнул Алекс. – И это не повлияло на твою карьеру? Неудивительно, что в адмиралтействе тебя считают злодеем. – Он оглядел Девлина с головы до ног. На его кузене был богатый голубой камзол, который удачно сочетался с цветом его голубых глаз, а мочку одного уха украшала жемчужина. Это выглядело несколько женоподобно, но Девлину каким-то образом удавалось при всем этом сохранять вид бравого и мужественного героя. Алекс покачал головой. – И эта твоя серьга с жемчужиной также сыграла свою роль, – сказал он. – С кого ты берешь пример? С Черной Бороды? Будь разумным человеком, сними ее до того, как пойдешь в адмиралтейство.

– Дамам это очень нравится, – заметил Девлин. Он искоса взглянул на кузена. – И уж раз речь зашла о прекрасном половине, мне показалось, что ты здесь, чтобы найти невесту.

– Серьезно? – сухо спросил Алекс.

– Совсем не обязательно скрывать это от меня, – несколько не смутившись, парировал Дев. – Всем известно, что смерть Аласдера означает, что Бальвени теперь нужен наследник, и, если ты любишь опасные приключения, тебе, возможно, захочется поучаствовать в одном из них до отъезда в экспедицию.

– Для этого у меня слишком мало времени, – сказал Алекс.

– Вижу, ты не собираешься посвящать меня в свои планы.

– Точно подмечено.

Алекс пожал плечами, выражая недовольство. Его поместье Бальвени в Шотландии действительно не имело наследника, поскольку его кузен Аласдер Грант скончался прошлой зимой. Смерть молодого человека от скарлатины была трагедией сама по себе, но она нанесла двойной удар, так как Аласдер был единственным наследником семьи баронов Грант. Алексу же в свое время удалось избежать необходимости снова жениться и произвести на свет наследника, пока Аласдер был жив, но теперь он с неудовольствием осознавал, что это – его обязанность, его долг, который ему не очень хотелось исполнять. Одна только мысль, что ему придется взять в жены какую-нибудь жеманную молодую девицу или унылую вдовушку, вызывала у него глубочайшее отвращение. Ему претила сама идея снова связывать себя узами брака. Тем не менее выбора у него не было, так как Балвени нужно было обеспечить будущее.

– В настоящее время у меня нет никаких матримониальных планов, Девлин, – пояснил Алекс, всем видом показывая, что ему это надоело. – Из меня получится ужасный муж.

– А некоторые говорят, что ты – превосходный супруг, – возразил ему Дев. – Тебя же никогда не бывает дома.

Губы Алекса искривились.

– Я хотел сказать именно это.

Дев снова бросил на него внимательный взгляд:

– В любом случае я был очень рад встретить тебя, Алекс. Мне очень нужна твоя помощь.

Алексу очень хорошо была знакома эта фраза. Именно так Дев говорил еще в детстве, когда Алексу приходилось вытаскивать своего младшего двоюродного брата из разного рода передраг. Теперь Деву двадцать три года, но его поведение было таким же отвратительным. Алекс считал, что его кузен до сих пор избегал самой страшной казни только чудом и, конечно, благодаря его сказочному обаянию.

– Что на этот раз, Дев? – сердито спросил он. – У тебя не может быть материальных проблем, так как ты получил хорошие деньги за добычу,

захваченную в боях. Ты, может быть, совратил дочку адмирала? Если так, то мой совет – женись на ней. Это поможет тебе продвинуться по службе.

– Вечно твое шотландское пуританство вылезает, – смеясь, ответил Дев. – Я, конечно, совратил дочку адмирала, но был у нее далеко не первый и не единственный. Да и не в этом проблема.

– Тогда я просто сгораю от любопытства, – с иронией в голосе произнес Алекс.

Он выдерживал паузу, пока они прошли по боковой улочке в ближайшее кафе. В кафе «Голова турка» было темно и жарко, в воздухе стоял густой аромат кофе и пряностей. Они уединились в тихой угловой кабинке. Алекс заказал кофе, а Дев – горячий шоколад.

– Шоколад? – спросил Алекс, вдыхая сладкий аромат дымящегося напитка.

– Скажи спасибо, что я не заказал шербет с ароматом фиалки, – смеясь, ответил Дев. – Франческа обожает его.

– Кстати, как поживает твоя сестра? – поинтересовался Алекс.

Уголки губ Дева слегка опустились.

– Не знаю. Она больше не разговаривает со мной. Мне кажется, она – в печали.

– Грустит?

Алекс был поражен. Где-то в глубине души он снова почувствовал себя виноватым. Джеймс и Франческа Девлин были теперь его единственными близкими родственниками, но Алекс практически не виделся с ними последние два года. Когда умерла их мать, сестра его отца, он успокоил свою совесть тем, что купил Девлину офицерский чин, а для Франчески нашел семью дальней родственницы, которая присматривала за ней. Затем со спокойной душой отправился в путешествие. Алекс не был богатым человеком, у него было лишь жалование морского офицера и небольшой доход от поместья в Шотландии, но он тем не менее отнесся к своим обязанностям очень серьезно. Что же касается его эмоций, то тут все обстояло несколько иначе. Грант не хотел связывать себя

какими бы то ни было обязательствами. Подобные отношения были бы для него обузой. Ему всегда хотелось уехать из Лондона, вернуться в море, открыть неизведанное или найти приключения, ускользнуть ото всех...

Бальвени нужен наследник...

Но существовали обязанности, от которых никуда нельзя было скрыться. Алекс повел плечами, пытаясь сбросить мысли о женитьбе.

– Чесси что-то нужно? – спросил он. – Ты должен был сказать мне, если ей требуются еще деньги.

– Нет, они ей не нужны, – ответил Дев, глядя Алексу в глаза. – Ты и так слишком щедр по отношению к ней. – Он нахмурился. – Чесси нужно общение, – объяснил он. – Тетушка Констанс не совсем подходящая компания для молодой девушки, которой нет и двадцати. Она, несомненно, прекрасная женщина, – быстро добавил Дев, видя, как Алекс с удивлением поднял брови, – но уж слишком добропорядочная, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Она проводит бо?льшую часть времени на молитвенных собраниях, что, конечно, делает ей честь, но Чесси от этого не легче. Бедная девочка так мечтает о том, чтобы на будущий год попасть на бал во дворце, но мне кажется, что тетушка Констанс вряд ли согласится на это. Уверен, она посчитает это слишком уж легкомысленным...

Девлин внезапно замолчал и переключил внимание на шоколад.

– Послушай, Алекс, – он резко поднял на него глаза, – мне нужна твоя помощь.

Алекс не спешил спрашивать. Он видел, что Дев нервничал.

– Это имеет отношение к денежному вопросу, – отрывисто произнес Дев, нахмурившись еще больше. – Ну, какое-то отношение к деньгам, если ты меня понимаешь.

– Ничего не понимаю, – сказал Алекс. – А куда делись деньги, которые ты получил за алмазный канделябр?

– Их давно уже нет. – Дев не собирался сдаваться. – Дело в том, Алекс, что я откупился от службы во флоте и приобрел долю в корабле Оуэна Перчеса. Ну, по крайней мере, я пытаюсь собрать на это деньги. Мы планируем отправиться в экспедицию в Мексику.

Алекс выругался. Вместе с Оуэном Перчесом они сражались при Трафальгаре, это был один из тех американцев, которые воевали вместе с ним против французов. Перчес был прирожденный капитан, почти легенда, и он всегда был для Дева героем.

– Почему в Мексику? – кратко сформулировал вопрос Алекс.

– Золото, – так же кратко ответил Дев.

– Чушь!

Дев рассмеялся:

– Ты не веришь в сказки о потерянных сокровищах?

– Нет, и тебе не советую, а уж Перчес, конечно, не верит.

Алекс провел рукой по волосам. Повзрослеет ли когда-нибудь его кузен, подумал он. Алекс никак не мог поверить, что Дев, можно сказать, выбросил деньги, полученные от государства, на ветер, погнавшись за несуществующей жар-птицей.

– Ради бога, Дев, – сказал он более резко, чем намеревался, – ты когда-нибудь прекратишь эти свои дикие выходки?

– Но это лучше, чем отмораживать задницу в какой-то заснеженной пустыне, разыскивая торговый путь, которого там нет, – возразил Дев, его прямота очень удивила Алекса. – Адмиралтейство использует тебя, Алекс. Они платят тебе гроши за то, что ты рискуешь жизнью ради благородной цели империи, да и просто потому, что тебя гложет чувство вины за смерть Амелии. Они смеют посылать тебя то в одно богом забытое место, то в другое. – Он замолчал, потому что увидел, что Алекс непроизвольно дернулся в ярости, и поднял руки,

как бы сдаваясь: – Извини. Я перегнул палку.

– Ты прав, черт тебя дери! – прорычал Алекс, но усилием воли подавил гнев.

Он никогда ни с кем не обсуждал смерть Амелии. Исключений не было. Но Дев слишком точно все подметил, и его гневный комментарий был очень болезненным, как соль на рану. Амелия умерла пять лет назад, и с тех пор Алекс соглашался участвовать в наиболее экстремальных, самых опасных и безрассудных экспедициях, какие только ему предлагали. Других желаний у него не было. Даже сейчас, сидя в кафе с Девом, он с трудом подавлял в себе желание уйти, скрыться от разговоров обо всех этих утомительных обязанностях и семейных делах. Его не оставляло чувство вины, ему хотелось сесть на корабль, поднять паруса и плыть, куда подует ветер. Но в настоящее время он был связан по рукам и ногам адмиралтейством и должен был сидеть в Лондоне и ждать, пока там не решат, что с ним делать.

– Очень скоро, – сказал он, отвлекаясь от дум и глядя на брата, – кто-нибудь всадит в тебя пулю, Девлин, и очень может быть, что это буду я.

Дев вздохнул с облегчением.

– Не сомневаюсь! – радостно воскликнул он.

– А как насчет помощи, о которой я прошу...

– И ты еще смеешь, негодник!

– Всегда к вашим услугам, но... – Дев смешно изогнул бровь. – Все предельно просто и не будет стоить тебе ни гроша собственных денег, да к тому же ты должен сделать это для меня, как старший брат.

Алекс вздохнул. Даже сейчас, когда он уже не сердился на кузена, ему не было понятно, каким образом Деву удалось уговорить его так просто. Но, подумал он, Дев может с легкостью очаровать всех и вся.

– Твои рассуждения ошибочны, – сказал он, – но продолжай.

– Мне нужно, чтобы ты посетил светский раут миссис Каммингс сегодня вечером на Гроувенор-сквер, – сказал Дев.

Алекс посмотрел на него:

– Ты смеешься?

– Ни в коем случае.

– Но ты прекрасно знаешь меня уже двадцать три года, – начал Алекс. – Я ненавижу все без исключения балы, рауты, завтраки и вечеринки.

– Но этот раут тебе понравится, – заявил Дев, хитро улыбаясь. – Он – в твою честь.

– Что?! – Алекс одарил своего молодого родственника испепеляющим взглядом. – Ты, наверное, совсем с ума сошел!

– А ты превращаешься в старого брюзгу, – усмехнулся Дев. – Тебе нужно больше бывать на людях и получать при этом удовольствие. Какие у тебя планы на сегодняшний вечер – сидеть в одиночку, читать книгу в гостинице?

Да, подумал Алекс, это очень похоже на правду, и его слова действительно прозвучали так, будто он был престарелым родственником Дева, а не его кузенom всего на девять лет старше.

– Но в этом нет ничего плохого, – медленно произнес он.

Дев рассмеялся:

– Уверен, что вечеринка будет интересная. А мистер Каммингс страшно богат, и мне нужно убедить его спонсировать мое плавание в Мексику. Поэтому я подумал...

– Так вот в чем дело, – сказал Алекс, четко представляя, к чему он клонит.

– Оба, и мистер, и миссис Каммингс, просто помешаны на исследователях, – быстро заговорил Дев, и в его голосе зазвучал юношеский задор. – Они считают тебя самым из них интересным. Поэтому когда они узнали, что я – твой кузен, ну... Они обещали помочь мне, если я приведу тебя к ним...

У Алекса глаза стали круглыми.

– Девлин... – предостерегающе начал он.

– Знаю, – опередил его Дев, – но я подумал, что ты все равно там будешь, поскольку леди Джоанна Уэр тоже будет там, а она ведь твоя пассия...

– Что!!! – Алекс буквально швырнул чашку на стол.

– Так об этом все говорят, – констатировал Дев. – Я слышал это от леди О’Хара как раз перед нашей встречей. Ты – у всех на устах.

– А! – выдохнул Алекс. – Да.

По его подсчетам, прошло не больше часа с тех пор, как Джон Хаган покинул Хаф-Мун-стрит. Этот человек положительно не терял ни секунды, стремясь оповестить всех о предполагаемой скандальной связи леди Джоанны Уэр. Алекс почувствовал, как сильно он презирует Хагана.

– Одобряю твой выбор, – признался Дев. Он откровенно посмотрел на Алекса. – Хотя о леди Джоанне всегда говорили, что она – бессердечна и холодна как лед, я был бы не прочь попытаться с ней счастья.

– Тебе придется оставить эту затею, малыш, – очень сухо произнес Алекс. Волнение, которое охватило его при мысли, что он может владеть Джоанной Уэр как мужчина, было неожиданно сильным и шокировало его. Он понял, что действует чисто инстинктивно. Это было чуждое ему чувство. – И не смей говорить о леди Джоанне без должного уважения, – добавил он, удивляясь своим словам и тому, что вдруг почувствовал необходимость защищать ее.

Дев удивленно поднял брови:

– Сильно сказано, Алекс.

– И она мне не любовница, – с раздражением закончил Алекс.

– Ну а что ты тогда так злишься? – усмехнулся Дев. – Или ты, может быть, огорчен, что она – не твоя любовница?

– Хватит! – рявкнул Алекс.

Дев пожал плечами.

– Но ты-то будешь там сегодня? – Ему так и не удалось полностью избавиться от интонации просителя.

– Ты бы лучше Перчеса пригласил, – мрачно предложил Алекс. – Уж он-то любит все это.

– Перчес сегодня обедает с принцем-регентом, – возразил Дев, – по приглашению, которое, как я понимаю, ты отклонил, Алекс.

– Не люблю я всю эту великосветскую суету.

Дев рассмеялся:

– Я думаю иначе. Это – как раз для меня.

Алекс размышлял обо всем услышанном довольно долго. Он не одобрял решение Дева отказаться от своего офицерского чина, но дело уже было сделано. Алекс мог бы попытаться отговорить кузена от его безрассудного решения отправиться в Мексику, но сомневался в успехе, так как Дев в полной мере унаследовал свою долю семейного упрямства. Алекс также понимал, что рискует выглядеть лицемером, если будет и дальше продолжать вести себя как суровый старший брат. То, что он участвовал в рискованных экспедициях с одобрения и при поддержке Королевского морского флота, было правдой, но ведь фактически нет разницы между человеком, который ищет приключения под флагом своей страны, и тем, кто отправляется в такое же путешествие по собственному почину, чтобы утвердиться иным способом. Девом движут отвага,

жажда приключений и стремление к независимости. И он не бежит от теней прошлого, как Алекс.

Алекс нетерпеливо барабанил пальцами по краю стола. Он действительно ненавидел публичные сборища, и это чувство было глубоким и неизменным. Но, посетив светский раут миссис Каммингс, он хотя бы немного сможет загладить свою вину перед семьей, которую забросил, и поможет Девлину.

И он увидит леди Джоанну Уэр снова...

На мгновение Алекс почувствовал себя так, как чувствовал себя подростком в Итоне, когда надеялся хоть на секунду увидеть дочь заведующего пансионом. Желание увидеть Джоанну было очень сильным, но при этом он понимал, что это будет самая большая глупость с его стороны. Если ему нужна женщина, он преспокойно может купить куртизанку на столько ночей, сколько ему понадобится, чтобы удовлетворить свою похоть. Это будет честно и необременительно, подумал он. Но вся сложность заключалась в том, что он хотел именно Джоанну Уэр. Он сомневался, что, разделив постель с проституткой, сможет утолить свой голод. Алекс мог бы объяснить свою настойчивость тем, что был лишен женского общества в течение многих месяцев, но, признавшись себе в этом, он счел бы себя лжецом.

Джоанна Уэр была для него искушением. Она приводила его в бешенство. И все же он пойдет на этот раут, решил он, и посмотрит, посмеет ли она безрассудно в открытую отвергнуть его в качестве любовника у всех на виду.

Алекс вспомнил, что, когда Дэвид Уэр на смертном одре передал ему письмо, написанное рукой адвоката, на его лице была очень странная торжествующая улыбка и он прошептал:

– Джоанна любит сюрпризы, будь она проклята... Алекс сильно сомневался, что леди Джоанна будет рада этому необычному подарку.

Девлин все еще ждал ответа Алекса.

– Ладно, – медленно произнес тот. – Я буду там.

## Глава 2

– Что представляет собой лорд Грант?

Миссис Лотти Каммингс, хозяйка салона Тон, – экзальтированная и скандальная дама и одна из наиболее близких друзей леди Джоанны Уэр, – совершенно не обращала внимания на гостей, заполнявших ее гостиную, так как ей не терпелось расспросить подругу о шокирующих новостях ее романа.

– Джо, дорогая, я ведь только слышала о нем, да и то совсем немного, и даже портрет его не видела.

– Ну, – неторопливо начала Джоанна, – он – высокий.

– Моя тетушка Доротея тоже была очень высокого роста. – Лотти не могла усидеть на месте от нетерпения. – Но у тебя, моя дорогая, все должно быть гораздо интереснее.

– Но он в действительности не любовник мне...

Но почему она позволила зайти всему этому так далеко? – подумала Джоанна.

Почему бы просто не сказать: «Мы – не любовники. Это просто – пустая болтовня...»

Джоанна колебалась. Злость на высокомерное поведение Алекса вызвала у нее острое желание наказать его. К тому же, если она сейчас начнет отрицать какую бы то ни было связь с ним, это вызовет не меньшие толки в обществе, чем ее первоначальное заявление. Таковы уж были странности света. Где-то глубоко внутри, где она хранила свои самые сокровенные мысли, она чувствовала, что ей нравится то, что Алекс Грант одобряет саму идею, что он – ее любовник.

Джоанна представила себе их в постели, его руки гладят ее тело, и она отдается ему со всей чувственностью, на которую способна и которую не испытывала ни с одним мужчиной до этого. Когда они с Дэвидом поженились, она страстно любила его, но ее безумная любовь никогда не согласовывалась с физическим влечением. Когда Дэвид притрагивался к ней, у нее возникало необъяснимое

ожидание чего-то более волнительного, что должно было случиться. Но, к сожалению, этого не происходило. А потом их отношения испортились до такой степени, что ей уже никогда не хотелось, чтобы Дэвид прикасался к ней. В последние годы ее супружеское ложе напоминало заснеженные пустынные просторы Арктики – чистое, пустое и нетронутое, а она сама утратила все иллюзии по поводу Дэвида Уэра, она больше не желала его. Джоанна была страшно одинока на протяжении многих лет своего замужества, – жена и вместе с тем не настоящая супруга. Но даже когда Дэвид умер, она не смогла заставить себя поверить ни одному мужчине настолько, чтобы приблизить его к себе. И Алекс Грант не смог бы быть таким человеком. Он был не для нее. Дэвид настроил его против нее, в этом она была уверена, и, что самое главное, он был из того же теста, что и Дэвид, – искатель приключений, исследователь, мужчина, пожертвовавший своим домом и семьей и удалившийся в неизвестность, оставивший позади себя все, что должно было быть самым важным и ценным для него.

– Итак, – с нетерпением произнесла Лотти.

– У него темные волосы, – сказала Джо.

Лотти глубоко вздохнула.

– И снова, – пояснила она, – моя тетушка Доротея могла бы и здесь дать сто очков вперед. – Лотти взмахнула руками. – Дорогая... Ты же знаешь, что моя жизнь совсем лишена развлечений! Расскажи что-нибудь необыкновенное, пожалуйста!

– Но это – все, что я могу рассказать, Лотти, – спокойно произнесла Джоанна. – Лорд Грант и я – не любовники. Сплетни лгут.

Лотти с сочувствием посмотрела на нее:

– Джо, дорогуша, тебе вовсе не нужно оправдываться передо мной или что-либо объяснять. Никто не станет осуждать тебя, если ты заведешь любовника! Ты же понимаешь, прошло так много времени с тех пор, как умер Дэвид. И я слышала, что лорд Грант – очень и очень привлекательный мужчина. Это – правда, – глаза Лотти внезапно вспыхнули огнем, – что у него ужасные шрамы на груди, которые остались после схватки с белым медведем?

– Понятия не имею, – сказала Джоанна. – Зачем кому-то сражаться с медведем? Ведь это – очень опасно.

Она вспомнила, что Алекс немного прихрамывал и что Дэвид упоминал о том, будто Алекс был серьезно ранен во время одной из экспедиций. Тем не менее в отличие от ее покойного супруга он не собирался спекулировать на этом, строя свою популярность и благосостояние.

– Лотти, – повторила леди Джоанна, – ты не слушаешь меня. Лорд Грант и я – всего лишь знакомые, и, умоляю, не говори об этом, ты шокируешь Меррин.

Она посмотрела на свою младшую сестру, которая спокойно сидела рядом с ней и не произнесла ни слова, пока Лотти болтала не умолкая. Меррин была так же сдержанна, как Лотти болтлива, она была полной противоположностью несдержанной миссис Каммингс. У Меррин была привычка молчать, которая выработалась во время последней продолжительной и тяжелой болезни их дяди. Иногда Джоанна чувствовала вину за то, что оставила Меррин с дядей одну. Ей самой удалось ускользнуть из дома приходского священника, где сами стены навевали тоску, задолго до болезни дяди, и она уже никогда туда не возвращалась. Насколько ей известно, так же поступила и ее средняя сестра Тесс. Меррин оставалась единственной, на чьи плечи обрушивалось бремя холерического характера преподобного Феннера.

– Не обращай на меня внимания, – сказала Меррин, и ее ярко-синие глаза засверкали от волнения. – О! Мне кажется, что эта история с белым медведем – выдумка, Лотти.

Лотти недовольно надула губы.

– В таком случае, раз Джо не видела грудь лорда Гранта, мы не можем знать наверняка, не так ли? – спросила она. – Вы занимаетесь любовью в темноте, Джо, душенька? А ты, оказывается, в еще большей степени строга и добродетельна, чем я себе представляла!

– Я исключительно добропорядочна, – согласилась Джоанна, не покривив душой. – Лотти, я могу показаться капризной, но все это – всего лишь напоказ, и в этом нет ни доли правды.

Лотти широко раскрыла свои черные глаза:

– О, моя милая, я знаю! Все мужчины говорят, что у тебя ледяное сердце. Ты такая красивая и в то же время бессердечная и недосыгаемая, что заставляет мужчин страстно желать тебя.

– Но я вовсе не приветствую такое их поведение, – сказала Джоанна, чувствуя себя неловко, поскольку в голосе Лотти мелькнула нотка зависти, да и в ее словах было много правды. – Дело в том, что я не особенно-то доверяю мужчинам.

– О, дорогая, – Лотти, пытаясь утешить Джоанну, положила ей руку на плечо, – я, ведь тоже, но какое это имеет отношение к делу? Я оболящаю их, а потом выгоняю, и это доставляет мне огромное удовольствие.

Джоанне было интересно, так ли это на самом деле. В свете было хорошо известно о победах Лотти, но приносило это ей счастье или нет, Джоанна затруднялась сказать. Они обе жили в мире зеркал, где неискренность и поверхностность ценились высоко, тогда как искренность и глубина чувств вызывали насмешки. Лотти никогда не обсуждала с ней серьезные вопросы, да и сама Джоанна после десяти лет, проведенных в высшем обществе, никогда не делилась ни с кем своим сокровенным, – появившись там, она сразу поняла, что откровенность здесь не приветствуется. Все, что предназначалось не для всеобщего обсуждения, мгновенно становилось всеобщим достоянием и было на устах у всех без исключения.

– Что ж, если ты собираешься открыть охоту на лорда Гранта, уж мне-то ты дорогу не перейдешь, не беспокойся, – сказала Джоанна. – У нас с ним нет никаких любовных дел. – Она вздохнула. – И я просто не верю, что ты пригласила его сегодня, Лотти, да еще и устроила этот необыкновенный прием в его честь.

Прибыв на вечер, устраиваемый Лотти, и узнав, что здесь ожидают приезда Алекса Гранта, Джоанна пришла в негодование. Этот Алекс, со своим показным неуважением к лести высшего света, должно быть, являлся отъявленным лицемером, если согласился посетить этот бал в свою честь, подумала она. Грант разочаровал Джоанну, и, хотя это чувство и было мимолетным, оно усилило ее уверенность в том, что Алекс – еще один самовлюбленный эгоистичный искатель приключений. И в этом не было никакой ошибки. Лотти

сказала, что послала ему приглашение заранее, чтобы знать наверняка, что он будет. Именно поэтому столовая была украшена огромными ледяными скульптурами; одна из них представляла собой мужчину в натуральный рост, в одной руке которого был меч изо льда, а в другой – британский флаг, что, совершенно очевидно, символизировало покорение самим Алексом земель, покрытых льдом. Занавеси из белого сатина, которыми была задрапирована лестница, имитировали замерзший водопад, а зеленые и красные лампы, свисающие с потолка, изображали северное сияние. Главным объектом композиции было изрядно поеденное молью чучело белого медведя, которое хозяйка распорядилась поместить в углу вестибюля. Чучело злобно скалило зубы, встречая прибывающих гостей. Все это выглядело слишком вульгарно, но гости были довольны, – Лотти всегда отличалась излишней прямоотой стиля.

– Посмотри, разве это не чудесно? – сияла она. – Я превзошла саму себя.

– Да уж, – пробормотала Джоанна.

– И на тебе тоже соответствующий наряд, – добавила Лотти, бросая одобрительный взгляд на белое вечернее платье из сатина и бриллиантовые украшения Джоанны. – Это так впечатляет! Джо, дорогая, тебе так идет белое!

– Я думаю, – неожиданно вступила в разговор Меррин, – что лорду Гранту вряд ли понравится все это представление. Оно не в его вкусе. Говорят, он очень сдержанный человек.

– Чушь! – воскликнула Лотти. – Он будет просто в восторге!

– Что ж, я уверена, что, если даже ему и не понравится все это, он вряд ли признается, ибо слишком хорошо воспитан, – продолжила Меррин. – Я слышала, что он – настоящий рыцарь.

– Похоже, ты знаешь о нем слишком много, – беззлобно пошутила над сестрой Джоанна. – Кто при тебе пел дифирамбы лорду Гранту?

– Никто, – ответила Меррин, краснея. – Я читала о его подвигах, вот и все. Мистер Гейбл писал о нем в «Курьере». Он – герой, который возвращается. Известно, что он не принял приглашение к обеду принца-регента, и это-то и заставило многих устроить балы, чтобы увидеть его в своих гостиных. За его

здоровье поднимают бокалы во всех клубах.

Джоанна вздрогнула, когда услышала слово «герой».

– Не знаю, что здесь праздновать, – сказала она. – Ведь попытка найти Северный полюс провалилась. Насколько я понимаю, Дэвид и лорд Грант отправились в экспедицию, чтобы найти северо-восточный торговый путь через полюс. Им это не удалось, они застряли во льдах, Дэвид умер, а лорд Грант прибыл домой. – В ее словах явно звучало недовольство. – Вряд ли это можно назвать достойной причиной для празднований. Или я что-то важное здесь не понимаю?

Лотти неодобрительно постучала по руке веером.

– Не будь такой суровой, Джоанна, – произнесла она. – Лорд Грант – само олицетворение благородного героя – молчаливый, одинокий и ужасно привлекательный мужчина, совсем как Дэвид.

– Вряд ли Дэвида можно было назвать молчаливым и одиноким, – сухо возразила Джоанна.

Лотти заерзала в кресле, пряча глаза:

– Мне кажется, Дэвид был более открытым.

– Что ж, можно и так сказать, – сказала Джоанна еще более сухо.

Лотти взяла бокал с шампанским и одним глотком осушила его.

– Джо, голубушка, ты же знаешь, как я сожалею о том, что позволила ему соблазнить себя, но он был таким героем, что мне показалось невежливым отказать ему! – Она уставилась на Джоанну своими огромными черными глазами. – К тому же я думала, что тебя это совершенно не волнует!

– Да, – сказала Джоанна, отворачиваясь, – меня нисколько не волновало, кого соблазнял Дэвид.

У него было столько женщин, вспоминала она. В течение нескольких месяцев после смерти Дэвида они приходили к ней, заявляя, что были любовницами ее покойного мужа. Среди них были две бывшие служанки, три дочери трактирщиков и одна девушка, которая работала в магазине, где Джоанна обычно покупала шляпки. Джоанна тогда все еще удивлялась, почему Дэвид во время своего последнего визита в Лондон так настойчиво сопровождал ее, когда она ходила за покупками. То обстоятельство, что он завел интрижку с Лотти, и то, что Джоанна и Лотти все еще оставались подругами, горько подумала Джоанна, лишь подтверждает, что ее супружество было лишь фикцией, а их дружеские отношения – поверхностны.

Джоанна заметила, что Меррин внимательно смотрит на нее, и ободряюще улыбнулась ей. Меррин вела такой далекий от проблем высшего света образ жизни в пригороде графства Оксфорд, и Джоанна сейчас совсем не хотела шокировать сестру.

– В любом случае мы в данный момент обсуждаем лорда Гранта, а не твоего мертвого распутного мужа, – заявила Лотти со свойственной ей неспособностью чувствовать настроение окружающих. Она была неисправима. – Он хорошо целуется, Джо, дорогая? – уточнила она. – Советую тебе немедленно бросить его, если он не умеет.

Меррин рассмеялась, а Джоанна немного расслабилась. По крайней мере, на Лотти всегда можно положиться, если нужно разрядить обстановку, подумала она, умеет она сказать или сделать что-нибудь необычное. Джоанна на секунду вспомнила о незадачливом мистере Каммингсе и посочувствовала ему. Он был баснословно богатым банкиром, единственной задачей которого было обеспечивать стиль жизни, выбранный Лотти, и которому доставалось от жены, если что-то ее не устраивало.

– Я не собираюсь это обсуждать, – возразила Джоанна.

И тут на какой-то миг шум зала исчез, и она снова оказалась в своей библиотеке в объятиях Алекса Гранта. Он целовал ее, не скрывая желания, и она почувствовала, как по ее телу разливается тепло, а кончики пальцев сжимаются внутри ее бальных башмачков.

Лотти громко вскрикнула от удовольствия:

– Посмотрите на ее лицо! Он, должно быть, великолепно целуется!

– Как приятно узнать, что если меня отвергнут, то не за то, что я чего-то не умею делать, – прозвучал мужской голос рядом с Джоанной. – Ваш слуга – в этом и во всем остальном, леди Джоанна. – Он оглядел ее белое вечернее платье. – Какой очаровательной и невинной вы сегодня выглядите!

Джоанна вздрогнула и повернулась в кресле. Алекс Грант стоял и смотрел на нее сверху вниз черными сверкающими глазами. Непонятно было, как она могла пропустить момент его прибытия, поскольку шумная толпа гостей теснилась в гостиной с единственной целью – завладеть его вниманием. Шум в комнате становился громче, голоса слышались то там, то тут, как будто шелестел ветерок, вороша зерна пшеницы. Джоанна видела все это и раньше, когда толпы жаждущих собирались для того, чтобы оказать почести Дэвиду – герою-победителю. Она помнила, как Дэвид просто купался в лучах славы. Воспоминания вызвали у нее дрожь, и Джоанна снова ощутила, как холод проникает в каждую клеточку ее тела.

За спиной лорда Гранта стоял очень симпатичный молодой человек, но, в отличие от Алекса, у него были совсем светлые волосы. Юноша наблюдал за ней очень внимательно, в его взгляде были сразу и вопрос, и одобрение. Джоанна улыбнулась ему, молодой человек был польщен ее вниманием, и на его лице появился нежный румянец.

Джоанна перевела взгляд на Алекса, тот не покраснел, наоборот, в нем появилось что-то зловещее. Джоанна поняла, что его будет очень трудно вывести из себя.

– Так мы все еще любовники? – мягко спросил Алекс, наклоняясь, чтобы поцеловать руку Джоанны.

Его дыхание всколыхнуло завитки ее волос над ухом, и она почувствовала, как трепет охватывает все ее тело. Она взглянула ему в глаза. У него были густые и темные ресницы. Глаза его тоже были очень темные, темнее, чем просто карие, но с поволокой, и в них ничего нельзя было прочесть.

Внезапно Джоанна осознала, что слишком долго смотрит на Гранта, а он – улыбается, одна бровь вопросительно изогнута, как будто он что-то спрашивает.

– Нет, – резко ответила она.

– Жаль, – сказал Алекс. – Я еще никогда не получал так мало физического удовольствия от любовной связи.

– В таком случае вам следует отправиться на сенной рынок Хеймаркет, а не находиться на Кёрзон-стрит, мы вас не задерживаем ни на минуту, – выпалила Джоанна.

Лотти издала вопль при одной только мысли о том, что почетный гость сейчас развернется и покинет ее дом.

– Нет, нет, лорду Гранту у меня будет гораздо веселее, чем в борделе. Обещаю вам!

Джоанна заметила, что Меррин тихонько смеется.

– Позвольте мне представить вам моего кузена мистера Джеймса Девлина, – сказал Алекс, пропуская вперед высокого молодого человека. – Он ваш почитатель, леди Джоанна.

Джеймс Девлин поклонился сначала Джоанне, а затем Меррин. Он, несомненно, производил сильное впечатление, но Джоанна подозревала, что он всегда старался произвести подобное впечатление на молоденьких девушек. Но Меррин, как отметила Джоанна к своему удовольствию, оставалась сдержанной. Казалось, что усилия Девлина прошли впустую, но слабый румянец на щеках девушки выдавал ее волнение. Джоанна почувствовала сначала облегчение и удовольствие, но затем им на смену пришло не менее сильное чувство беспокойства. Она очень надеялась, что Меррин навсегда покинула дом больного дяди и теперь у нее может появиться возможность завязать отношения с милым молодым человеком. Но можно ли назвать Джеймса Девлина милым? – спросила она себя. Вероятно, нет... Он выглядел слишком опасным, чтобы можно было поощрить его отношения с молодыми неопытными девушками.

Тем временем Алекс расточал комплименты Лотти, благодаря ее за изумительно организованное торжество. Несмотря на свою неприязнь к нему, Джоанна не могла не отметить, насколько легко, непринужденно и с каким искусством он умеет очаровывать женщин.

– Вы уделяете мне слишком много внимания, миссис Каммингс, – сказал он, обращаясь к Лотти.

– Вот именно это я ей и сказала, – ласково произнесла Джоанна. – Вы ведь не любите, когда с вами носятся как с писаной торбой, вознося ваши подвиги до небес. Я уверена, милорд, что вам претит вся эта суета.

Джеймс Девлин с трудом подавил смешок:

– Ну ты и попался, Алекс.

– Я уверен, что справлюсь, – медленно, растягивая слова, сказал Алекс, – поскольку леди Джоанна, несомненно, не даст мне зарваться.

– Но ваше сопротивление делает вас еще более желанным, лорд Грант, – не умолкала Лотти. – Каждая из присутствующих здесь дам сочла бы за честь растопить вашу ледяную скованность и раскрасить мир вокруг вас во все цвета!

Джоанна еле сдержала хохот.

– Будь добра, говори только за себя, Лотти, – попросила она. – У меня нет никакого желания устраивать здесь пожар, хотя твои ледяные скульптуры могут пригодиться, если понадобится тушить огонь.

– Ледяные скульптуры? – переспросил Алекс, переводя взгляд на Джоанну.

– Да, – ответила она. – И если вы еще не видели их, милорд, я советую вам немедленно их осмотреть. Вам наверняка понравится ваше собственное изображение с флагом в руке, который вы водружаете на пустынной земле Арктики.

Лотти взглянула на Джоанну и провела веером по рукаву безупречного фрака Алекса, привлекая его внимание к себе.

– Вы, вероятно, сможете ответить на один мой вопрос, милорд? – промурлыкала она. – Это правда, что вы сражались с белым медведем и что у вас есть шрамы, которые подтверждают это? Джоанна наотрез отказывается говорить об этом.

– Потому что я понятия об этом не имею, – заявила та, – да мне это и неинтересно.

Алекс снова насмешливо посмотрел на нее. Кровь бросилась ей в лицо.

– Вы разочаровываете меня, леди Джоанна, – произнес он.

– Но, пожалуйста, – дрожа от волнения и не дав ответить Джоанне, попросила Лотти, – покажите их нам. А они такие же внушительные, как и шрамы лорда Нельсона? Я слышала, что он тоже встречался с белым медведем в пустынях Арктики.

– Мадам, – Алекс резким движением отбросил веер Лотти, поскольку перья щекотали его запястье, – боюсь, мне нужно будет гораздо ближе познакомиться с вами прежде, чем я смогу раздеться в вашем зале или в какой-нибудь другой комнате.

Он повернулся к Джоанне и предложил ей свою руку:

– Могу я пригласить вас на танец, леди Джоанна? Я редко танцую, но, думаю, с котильоном я справлюсь.

– Я польщена тем, что вы готовы добиваться меня, – сказала Джоанна, улыбаясь с притворной скромностью, – боюсь только, что мы не сможем потанцевать. Увы, моя карточка уже полностью расписана.

– Так порвите ее и начните новый список, – сказал Алекс. – Я хотел бы поговорить с вами во время танца.

– А вы никогда не говорите «пожалуйста», милорд? – спросила Джоанна, уязвленная его тоном, не терпящим возражений. – Возможно, я бы и захотела побеседовать с вами, будь вы хотя бы немного повежливее.

В глазах Алекса промелькнул озорной огонек, и это заставило Джоанну задержать дыхание.

– Видите, леди Джоанна, иногда я могу и попросить – если мне этого очень хочется.

Их взгляды пересеклись на несколько долгих минут. Алекс улыбнулся, и Джоанна почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. Но она уже оценила этого человека и его способность ставить ее в неловкое положение. Поэтому в ответ она позволила себе лишь слегка растянуть губы в холодной полуулыбке.

– В отличие от вас, милорд, – сказала она, поворачиваясь к Джеймсу Девлину, – ваш кузен заблаговременно позаботился прислать мне сегодня днем записку, в которой просил меня оставить ему первый танец. – Она встала и предложила Джеймсу взять ее под руку. – Мистер Девлин, я буду счастлива. – Джоанна немного задержалась и обратилась к сестре: – Ты не заскучаешь здесь одна, Меррин?

– Пойду поболтаю с мисс Дрейтон, – ответила та. – Не волнуйся обо мне.

Наградой Джоанне послужило выражение досады на лице Алекса.

– Вас перехитрили, милорд! – громогласно заявила Лотти. – Теперь вам придется танцевать со мной. Мистер Каммингс будет несказанно счастлив, – добавила она. – Однажды ему пришлось открывать бал со мной, с тех пор он не танцует, а уединяется в своем кабинете, чтобы заняться там пересчетом денег, но это так скучно. – Она встала и царственным жестом подала руку Алексу; тот не колеблясь принял ее. При этом Джоанна почувствовала неприятный холодок в желудке.

Толпа жаждущих сенсаций гостей немного отступила, чтобы дать танцующим пройти через арку, ведущую в бальный зал. Вокруг себя Джоанна слышала взволнованный шепот и обрывки фраз, видела льстивые улыбки на лицах дам, делающих все возможное, чтобы привлечь внимание Алекса, слышала

сердечные приветствия мужчин. Казалось, все светское общество прилагает все усилия, чтобы герой удостоил их вниманием.

– Кто бы мог подумать, мадам, – сказал Девлин, ведя ее под руку, – что из всех присутствующих Алексу достанется самое большое внимание! Как будто мы сопровождаем особу королевского звания!

– Мне кажется, что лорд Грант пользуется в настоящее время гораздо большей популярностью, чем принц-регент, – сухо ответила Джоанна. – Внимание общества – вещь крайне непостоянная, мистер Девлин, к тому же нам всем скучно. Поэтому мы все время стремимся найти что-нибудь из ряда вон выходящее, в данный момент это – ваш кузен. Исследователи всегда будоражили умы. Не сомневаюсь, что в будущем году мы будем сходить с ума по каким-нибудь китайским обоям или превозносить шотландские породы собак.

– Но Алекса вряд ли можно приравнять к собаке, мэм, – запротестовал Дев, не скрывая улыбки. – К тому же он, бесспорно, лакомый кусочек для тех, кто ищет женихов для своих дочерей.

– Вот как? – Джоанна снова почувствовала странный холодок в области живота. – А я и не знала, что лорд Грант занят поисками невесты.

– Не совсем так, я думаю, что он-то сам жену не хочет, – откровенно заявил Дев, – но в настоящее время поместье Балвени не имеет наследника.

– Понятно. Тогда – другое дело. – Джоанна чувствовала, как холод разливается по всему ее телу. Она вспомнила, что Дэвид тоже хотел сына. – Да, – сказала она, – большинство мужчин мечтают о наследнике.

Несмотря на то что Джоанна изо всех сил старалась, чтобы ее голос звучал беспристрастно, какая-то неуловимая нотка все же привлекла внимание Девлина, и он бросил на нее мимолетный вопрошающий взгляд. Она ласково улыбнулась ему и увидела, что складка между его бровями разгладилась. Да, ведь так легко притвориться...

Они так долго пробирались сквозь толпу, что котильон к тому времени уже подошел к концу, а оркестр, видя, как они приближаются, исполнил в честь Алекса веселый марш Томаса Арне. Наблюдая за Грантом, Джоанна отметила,

что на его лице застыло выражение абсолютного спокойствия. Лотти крепко держалась за его руку и сияла в его лучах славы, когда все присутствующие в зале разразились аплодисментами.

– Было бы уместнее, – прошептала Джоанна, обращаясь к Деву, – исполнить «Много шума из ничего» господина Арне.

Алекс бросил на нее какой-то странный взгляд, и Джоанна поняла, что он услышал ее слова. Дев же переводил глаза с нее на Алекса, и на его красивом лице появилось выражение растерянности и недоумения.

– Так вы действительно не любите друг друга, правда, леди Джоанна? Когда Алекс сказал мне, что вы не... м-м-м... близки, я подумал, что он просто... м-м-м... – Дев замолчал, конфузясь.

– Боюсь, у меня предвзятое мнение относительно исследователей, мистер Девлин, – сказала Джоанна, пожалев его чувства. – Я была замужем за одним из них.

– Да! Конечно, лорд Дэвид был самым замечательным человеком, – согласился Дев, и его лицо просветлело. – Он был для меня героем, когда я был еще мальчишкой.

– К сожалению, – произнесла Джоанна, – герои не всегда бывают теми, с кем легко и приятно жить. – Она увидела, как в глазах Дева отразилось искреннее удивление, и с горечью добавила: – Бывает очень трудно соответствовать ожиданиям, жить надеждами.

Триумфальный марш завершился, и зал снова зааплодировал. Алекс раскланялся перед толпой в знак признания, а затем Лотти решительно увела его на следующий танец.

– Надеюсь, Алекс простит мне, что я опередил его, – сказал Дев, когда они с Джоанной выполняли фигуры танца. – Я был крайне удивлен, что он пригласил вас на танец, мадам. Обычно он не танцует: старая рана, да и вообще, он не любит балы.

Джоанна была удивлена не менее, чем Дев.

– Алекс принял приглашение миссис Каммингс сегодня только потому, что хотел сделать мне приятное, – продолжал Дев. – Он вовсе не такой беспомощный, каким мог показаться, понимаете, мэм.

– Ваши объяснения приняты, мистер Девлин, – ответила, улыбаясь, Джоанна. – И я абсолютно уверена, что вашему кузену совершенно все равно, с кем я танцую, так что вам не угрожает непосредственная опасность, что вас немедленно призовут к ответу.

– Надеюсь, что нет, – сказал Дев. – Но он, правда, посоветовал мне держаться от вас подальше. – Молодой человек посмотрел на нее с откровенным восхищением. – Не могу его осуждать за это, мэм.

– Ваш кузен – самонадеянный нахал, – парировала Джоанна. Она бросила взгляд, полный ярости, на Алекса, который в этот момент находился на другом конце зала. Какое-то время она наблюдала, как Алекс танцует с Лотти, которая обвилась вокруг него плющом и пыталась самостоятельно нащупать шрамы, оставленные медведем на груди героя.

– В вашей записке, которую вы прислали мне сегодня днем, вы упоминаете об одолжении, мистер Девлин, – сказала Джоанна, снова поворачиваясь к Девлину. – Чем я могу помочь вам? Хотя, если это имеет отношение к вашему кузену, хочу предупредить вас, что не имею на него никакого влияния.

– Понимаю, что вы хотите сказать, мэм, – ответил Дев угрюмо. – Алекс всегда знает, чего хочет, и не слушает чужих советов.

– Вы хотите сказать, что он преувеличивает свои возможности и довольно заносчив, – констатировала Джоанна.

Дев вздрогнул:

– Ну, пожалуй, можно и так сказать. Дело в том, что я у него нахожусь в настоящий момент в немилости, поскольку оставил свой офицерский чин ради того, чтобы принять участие в экспедиции в Мексику. – Он умоляюще посмотрел

на нее. – Я рассчитывал, что вы, мэм, могли бы поговорить с ним и уладить этот вопрос относительно меня.

– Я, конечно, могу попытаться, – сказала Джоанна, – но, думаю, это будет только хуже для вас, мистер Девлин. Боюсь, что лично я – в гораздо большей немилости у вашего кузена, чем вы.

Следующая фигура танца привела их к тому месту, где сидела Меррин, любезно беседуя с мисс Дрейтон. Джоанна заметила, что взгляд Девлина был прикован к ее сестре.

– Леди Меррин не танцует? – спросил он, когда они снова встретились в танце.

– Моя сестра предпочитает более интеллектуальные занятия, – улыбаясь, заметила Джоанна.

Внезапно Джоанна ощутила, что Дев смотрит на Мерин уж слишком пронизательно.

– Жаль, – сказал он. – Я уверен, она могла бы быть очень грациозна в танце. Тем не менее я восхищаюсь женщинами, которые имеют что-то свое.

– Если вы сможете обсудить с ней вопросы теории кораблестроения, вы заслужите ее одобрение, – непринужденно заявила Джоанна. Танец подошел к концу, и они с Девлином присоединились к жидким аплодисментам танцевавших. – Она вместе с друзьями посещала лекции в Королевской ассоциации.

– Правда? – удивился Дев. У него между бровями появилась складка. – На прошлой неделе я был на лекции, там обсуждали новый проект строительства американских фрегатов. Должно быть, я видел леди Меррин на этом собрании, хотя, – он несколько замешался, – мне кажется, я видел ее в совершенно другом месте.

– Что ж, это значит, что у вас есть общие интересы, – снова улыбнулась Джоанна. Она положила руку на руку Дева. – Небольшой совет, мистер Девлин. Меррин большую часть жизни жила в деревне и чувствует себя несколько

неловко в Тоне. Мне было бы жаль видеть, что она... в чем-то разочаруется.

И снова Джоанна на секунду увидела небольшую морщинку на лбу Девлина и не смогла понять выражение, мелькнувшее в его глазах. Потом лицо Дева разгладилось, он положил свою руку на ее и слегка пожал ее пальцы в перчатке:

– Не беспокойтесь, мадам. Я не развлекаюсь с молоденькими девушками. – Дев выдержал паузу. – И клянусь, что не сделаю ничего по отношению к вашей сестре, что сможет огорчить вас.

– Девлин.

Джо повернулась и увидела, что Алекс пробирается через зал, решительно направляясь к ним. Он не отвечал на рукопожатия и громкие приветствия гостей, которые пытались завладеть его вниманием. Его взгляд был прикован к сплетенным рукам Джоанны и Девлина. Джоанне даже показалось, что Девлин отпустил ее руку медленнее, чем этого требовали приличия.

– Алекс, – произнес Дев, и усмешка искривила его губы. – Ты пришел, чтобы оказаться между нами?

– Мистер Каммингс, – пояснил Алекс, сверля взглядом лицо Джоанны, – желает обсудить с тобой план экспедиции в Мексику, Дев, поэтому тебе лучше отпустить руку леди Джоанны и присоединиться к нему в гостиной.

Девлин просиял:

– Алекс, ты замолвил за меня словечко? Я знаю, что ты – самый замечательный человек на свете! Ваш покорный слуга, леди Джоанна. – Он слегка поклонился ей. – Пожалуйста, извините меня.

– Конечно, – сказала Джоанна, улыбаясь. – Желаю удачи!

– Вы позволите проводить вас в столовую, леди Джоанна? – спросил Алекс. Теперь уже на его лице не было и следа улыбки. – Вы затратили так много энергии, флиртуя с моим кузеном, что вам, несомненно, нужно восстановить силы, – заметил он.

Джоанна неприязненно взглянула на него:

– Мы просто танцевали, милорд.

Алекс в удивлении изогнул брови:

– Вы так это называете?

– Мистер Девлин сказал мне, что вы посоветовали ему держаться от меня подальше, – произнесла Джоанна, когда они проходили в дверь, ведущую в столовую. – И я рискнула предположить, что причиной этого послужила просьба моего покойного мужа, который умолял вас проявить братское снисхождение ко мне и обеспечить защиту от молодых шалопаев.

Алекс рассмеялся:

– Вы глубоко заблуждаетесь, леди Джоанна. Лорд Дэвид признался мне, что вы вполне способны постоять за себя, и у меня есть все основания верить ему.

Джоанна почувствовала волнение, которое, как ни странно, было больше похоже на боль. Значит, Дэвид представил ее как толстокожую бесчувственную дрянь, а Алекс поверил ему. Конечно! Почему бы нет? Все верили, что Дэвид Уэр – безупречный герой, а Алекс был его самым близким другом. Она попыталась взять себя в руки. А что еще она ожидала? Дэвид никогда и не собирался петь ей дифирамбы, они были чужими в течение многих лет, замкнувшись во взаимной ненависти. На протяжении пяти лет их супружества они постоянно ссорились, а потом просто почти не разговаривали друг с другом.

Джоанна глубоко вздохнула, стараясь прийти в себя. Дэвид мертв, и теперь это уже не имеет никакого значения. Однако невысокое мнение Алекса о ней, похоже, задело ее больше, чем она ожидала.

Джоанна внезапно остановилась рядом с ледяной статуей, изображавшей самого Алекса в полный рост.

– Вот как? – сказала она язвительно. – Вы вмешались в самый последний момент, чтобы защитить своего кузена от воображаемой опасности, лорд Грант. А ведь

вы бросили его одного, так ведь? И его сестру тоже, насколько мне известно, пока вы шатались неизвестно где в поисках славы.

Алекс взял ее руку и с такой силой сжал запястье, что она охнула и замолчала. Его взгляд был по-настоящему диким, но тон, которым он заговорил, оказался спокойным.

– Вы хотите порвать со мной на людях? – спросил он. В его голосе звучали стальные нотки. – Признаюсь, я рассчитывал на что-то более интересное, чем перечень ошибок, которые я совершил по отношению к своей семье.

– Не спешите, – сказала Джоанна. Она выдержала его взгляд и не отвела глаза. – Вы не будете разочарованы нашим разрывом, обещаю вам.

Она сбросила его руку и потерла запястье. Ей было не больно, но то, как он схватил и как смотрел, потрясло ее, в этом было что-то первобытное и свирепое. Всего лишь за секунду характер их встречи полностью изменился – от враждебности до открытого антагонизма. Джоанна осознавала, что в пылу ссоры она наградила Алекса всеми недостатками, которые так ненавидела в Дэвиде, и понимала, что это, скорее всего, несправедливо, но у нее не было никакого желания быть великодушной. В конце концов, он вел себя по отношению к ней не как благородный человек, возненавидев ее с самого начала.

– Вы можете не беспокоиться о добродетели своего кузена, – сказала Джоанна. – Меня не интересуют неоперившиеся юнцы, что бы вы об этом ни думали. – Она оглядела Алекса с головы до ног. – И искатели приключений тоже, и не имеет значения, какими бы романтичными и загадочными ни считали их другие. – Она расправила плечи. – Лорд Грант, я не знаю, что мой муж наговорил вам обо мне, почему вы относитесь ко мне с таким отвращением, но меня не волнуют ни ваше неодобрение, ни ваши суждения обо мне.

– Дэвид никогда на протяжении нашего с ним знакомства не говорил мне о вас, – возразил Алекс. – Только перед смертью.

– Ну, – произнесла она с сарказмом в голосе, – если Дэвид был в тот момент на смертном одре, тогда все, что бы он ни сказал, должно быть правдой.

– Возможно, – произнес Алекс. Его губы превратились в узкую полоску. – Дэвид просил меня никогда не доверять вам, леди Джоанна. Он говорил, что вы лживы и любите манипулировать людьми. Скажите, что же вы такого сделали, чтобы вызвать такую ненависть со стороны мужа?

Их глаза встретились, но ни он, ни она не отвели взгляда. Тем не менее Джоанна чувствовала жар во всем теле. Взгляд Алекса сфокусировался на ее лице, прожигая, и она вдруг почувствовала лютую ненависть к нему за то, что он поверил ее вероломному, ни на что не способному мужу и, не задав вопросов, принял его слова за чистую монету. Она хотела все ему объяснить. Желание это было очень сильным, но она понимала, что не может доверять Алексу Гранту, человеку, которого она совсем не знала. «Не доверяй никому» – таков был ее принцип, когда она появилась в Тоне, и она оставалась верной ему все время с того момента, когда еще в самом начале замужества вошла в салон платья мадам Эстель на Бонд-стрит и услышала, как две женщины обсуждают интимные моменты ее жизни в возмутительно мельчайших подробностях. Именно тогда она впервые узнала о неверности мужа. Поэтому она никому не раскрывала своих секретов и, уж конечно, не станет доверять их ближайшему другу, коллеге и соратнику своего покойного мужа.

– Жаль, что вы принимаете на веру, что вина лежит на мне, – с горечью в голосе сказала Джоанна.

В глазах Алекса промелькнуло сомнение. Это была слабая и мимолетная тень сомнения, которая исчезла в мгновение ока. Алекс слегка покачал головой:

– Да, это плохо, леди Джоанна.

Настроение Джоанны резко изменилось. Она не была женой Дэвида в течение пяти долгих лет до его смерти и сама молча справлялась со своим горем. Этот человек теперь пытается заставить ее выставить напоказ то, что она прятала ото всех так долго, подумала Джоанна, тем самым заставляя ее разрушить то, что защищало ее все это время.

– Что ж, лорд Грант, – наконец сказала Джоанна. – Нужно принять решение. Я вам ничего не должна, и, что бы я ни сказала, это не изменит вашего мнения обо мне, поэтому я не стану понапрасну тратить силы и сотрясать воздух. – Она расправила плечи. – Я понимаю, что вы хотите, чтобы я разорвала нашу

предполагаемую связь. Позвольте сделать вам одолжение, и тогда у нас не будет необходимости видеться снова.

Джоанна повернулась к ледяной скульптуре и вырвала меч из руки мужчины. Лед треснул, и меч легко выпал. Все гости миссис Каммингс одновременно затаили дыхание. Джо слегка приподняла колено, одним резким ударом разломала меч на две половины и вручила Алексу куски.

– Вот что я думаю об исследователях и их способности любить, – четко произнесла она так, что все без исключения могли слышать ее, и улыбнулась. – Считайте, что вы – свободны, лорд Грант, – ласково добавила она. – Спокойной ночи.

### Глава 3

Миссис Лотти Каммингс стояла в столовой одна, созерцая картину того, что осталось после ухода гостей. Свечи были потушены, но в воздухе немного пахло дымом. Первые лучи утренней зари проникали в комнату. Ледяные скульптуры таяли, и с них в огромные стеклянные посуды, расположенные внизу, капала вода. Лотти было грустно, но она никак не могла понять почему.

Вечер имел потрясающий, просто оглушительный успех, и она знала, что о нем будут много и долго говорить. Даже без впечатляющего скандала между леди Джоанной Уэр и ее предполагаемым любовником, лордом Грантом, прием можно было назвать очень веселым и приятным. Еда, как всегда, была изысканной, музыка – само совершенство, а ледяные скульптуры придали общей картине заключительный штрих. Тем не менее Лотти никак не могла понять, почему она чувствует себя так, будто потеряла что-то очень важное. Она задумчиво погружала пальцы в чашку с остатками крема из лепестков роз и потом слизывала его. Ощущение, будто она потеряла тысячу, а нашла пенс, никак не покидало ее. Ее муж Грегори только показался на вечере, но он никогда и не принимал участия в раутах. Они жили каждый сам по себе с самого начала супружества. Она вышла за него замуж из-за денег, а не по большой любви, что само по себе было совсем неплохо, так как он ничего не представлял собой как личность. Нет, действительно, не пренебрежение Грегори было причиной ее грусти. Она и не хотела его внимания. Но ей хотелось, чтобы о ней кто-нибудь

заботился, кто-то – более волнующий и мужественный, чем бедняга Грегори.

Жаль, что Алекс Грант решительно отклонил ее предложения вступить с ним в связь, которые она нашептывала ему с таким жаром. Лотти никак не ожидала, что ее могут отвергнуть. Такое случалось с ней крайне редко. Ей хорошо было известно, что об Алексе говорят как о крайне сдержанном и неэмоциональном человеке, но Лотти надеялась, что именно она и будет той самой женщиной, которая растопит его холодность. Она ни на секунду не верила той ерунде, которую болтали о нем в свете, шептались, что он все еще оплакивает свою умершую жену или что-то в этом роде. Лотти видела, как он смотрит на Джоанну, и понимала, что он хочет эту очаровательную вдовушку Дэвида Уэра. Но он зря теряет с ней время, подумала она. Лотти слизнула остатки крема с пальцев. Джоанна была фригидной, лишенной эмоций – Дэвид говорил Лотти об этом однажды, когда они лежали в постели. Нет, правда, было бы гораздо лучше, если бы именно Лотти показала прекрасному лорду Гранту все те штучки, которые она может предложить лихому искателю приключений. Но Алекс пресек все ее заигрывания. Он сделал это очень тактично, крайне учтиво и даже красиво, но это все же был полный отказ, и Лотти чувствовала себя обиженной. Она немедленно послала слугу к Грегори, чтобы тот передал ему, что муж ни при каких условиях не должен финансировать экспедицию в Мексику этого его ветреного кузена Дева. Это была ее маленькая месть, и, сделав это, она почувствовала себя немного лучше...

Звук внезапно захлопнувшейся двери и шагов по мраморным плиткам зала заставил ее резко обернуться. Она думала, что была одна, но теперь ясно видела, как чей-то силуэт заслонил дверной проем.

– Я думала, что вы уже давным-давно ушли, – сказала она, когда Джеймс Девлин вошел в комнату.

Дев покачал головой:

– Ваш муж и я – мы беседовали.

– И что? – Лотти с нетерпением ожидала, что он скажет. Неужели Грегори не внял ее просьбе и дал деньги этому глупому мальчишке? Она была в ярости.

Но Дев только покачал головой:

– Он не станет оказывать мне финансовую поддержку. Говорит, что предприятие уж слишком рискованное.

– Мне так жаль. – Лотти слегка наклонилась вперед и положила свою руку на его. – Вы, должно быть, так разочарованы, дорогой.

Он и действительно выглядит крайне расстроенным, подумала она, разбиты все юношеские мечты, но он – такой красавчик, и ей захотелось поцеловать его. Лотти буквально насильно вложила в его руку бокал с шампанским. Оно уже давно выдохлось, но Девлин одним глотком выпил его, тогда она налила ему и себе еще шампанского, подняла свой бокал и поднесла его к его бокалу, приветствуя.

– Что же теперь? – спросила она с сочувствием.

– Мне принадлежит половина корабля, но у меня нет ни пенса на путешествие, – глубокомысленно констатировал он.

Благослови его, Господи, подумала Лотти, он и действительно очень милый мальчик. Скорее всего, он не такой опытный, как его кузен, рассудила она, но он – здесь и просто умопомрачительно хорош, а она устала и нуждалась в утешении.

Лотти взяла пустой бокал у Дева из руки и поставила на стол, наклонившись так, что ее грудь крепко прижалась к его руке. Она почувствовала, как молодой человек напрягся, и улыбнулась.

– Дорогой, – сказала она, распрямившись, и встала настолько близко к Деву, что их тела соприкоснулись, – могу я сделать что-нибудь, чтобы вы почувствовали себя лучше?

К своему удовольствию, она заметила, что кузен Алекс соображает довольно быстро. Ей даже не пришлось ему ничего объяснять.

Он мгновенно схватил ее за руки, притянул к себе и поцеловал, причем его поцелуй не был нерешительным или неумелым, как она ожидала, это был искусный и многообещающий жест. Лотти ответила на него страстно, с какой-то

жадностью, проводя руками по его спине и ниже, по ягодицам, прижимаясь к его затвердевшему члену, заставляя его придвинуться к ней ближе. Дев отвечал ей с удовольствием и мастерством, и она уже начала подумывать, что недооценила его, когда он поднял ее и положил на стол, опрокинув на спину среди наполовину опустошенных блюд со сладким и остатками фруктов, переходя к следующей стадии любовных игр. Она почувствовала, как клубника превратилась в месиво под тяжестью ее тела и ее густой сладкий аромат наполнил воздух.

– Мое платье! – воскликнула она.

– Вы достаточно богаты и сможете купить себе другое. – Его голос прозвучал беспечно.

Он продолжал уничтожать это произведение швейного искусства: стянул лиф до пояса, обнажив ее грудь. Лотти слышала, как рвался материал, но, не успев выразить неудовольствие, она почувствовала холодное скользкое прикосновение клубники: ягоды и сок были размазаны по ее голому телу, а затем – его губы: он слизывал, впитывал, вкушал ее вкус. Она изогнулась и почти не дышала, ощущая, как желание внутри ее становится все сильнее и сильнее, оно было похоже на спираль, раскручивающуюся где-то внизу живота. Лотти с трудом сдерживала крик, не доверяя и в то же время получая удовольствие от умелых прикосновений его губ и рук. Дверь не закрыта, мелькнула у нее мысль. Кто угодно может войти. Слуги... Вечно они подслушивают у замочных скважин, а потом сплетничают. В свое время Лотти сильно рисковала – для нее это было частью игры, – но этот мужчина был беспечен на грани безумия. Она не предполагала этого, у нее не было никаких причин подозревать... Грегори знал о ее незначительных проступках, но он разведется с ней, если скандал будет слишком громким. Она просто обязана прекратить все это сейчас. Но – о! – это так приятно! Слишком приятно, чтобы прервать...

Его рука уже была у нее под юбками, на бедре, и Лотти изогнулась, чтобы почувствовать его внутри себя. Но затем что-то прикоснулось к ее влажной горячей плоти; что-то твердое, гладкое и широкое, входящее в ее чресла, было леденяще холодным – рукоятка ледяного меча скульптуры. Шок, бесстыдство, эротическое наслаждение заставило ее подняться со стола со стоном, в котором звучали удивление, неверие и дикий восторг.

– Ты не можешь так...

– Могу.

Он снова уложил ее среди сладких блюд и разбросанной повсюду клубники и наклонился, чтобы поцеловать. Одновременно он срывал с нее белье, раздвигал ноги все шире и продвигал этот замечательный меч все глубже внутрь. От Дева пахло шампанским и клубникой. Она чувствовала, как лед тает у нее внутри, растекаясь ручейками по коже, тогда как жар внутри тела разгорался все сильнее. Ей даже пришлось зажать зубами вышитую салфетку, чтобы не закричать и не разбудить весь дом.

Когда Лотти пришла в себя, она обнаружила, что полуголая лежит на столе в луже растаявшего льда. Дев смеялся, стараясь скрыть презрение. В полумраке он выглядел очень молодым, и полным жизни, и еще очень-очень порочным. Лотти почувствовала, как сильно у нее забилося сердце.

– Тебе понравилось?

– Ты... – Лотти с удивлением поняла, что более чем просто благодарна ему. Она с некоторым трудом отбросила эмоции и снова почувствовала свойственное ей безразличие. – Ну, милый, – промурлыкала она, – а ты, оказывается, находка! – Она потянулась к нему и с приятным удивлением обнаружила, что он все еще ждет ее.

– Не здесь, – сказал он, обнимая ее настолько естественно, что она не могла не почувствовать искушение. – Что, если в саду?

– В летнем домике в это время года очень мило, – промурлыкала Лотти, когда он большими шагами устремился к двери, ведущей на террасу. – Хотя, впрочем, мне кажется, что в летнем домике хорошо в любое время года.

Алекс Грант сидел в адвокатской конторе Чёрчвада на улице Хай-Холборн и всеми силами пытался сохранять спокойствие.

Ожидание не входило в его планы. Ему все еще приходилось оставаться в Лондоне, ожидая приказа из адмиралтейства о дальнейшем назначении, поэтому он принял решение не принимать больше никаких приглашений из Тона, какими бы заманчивыми они бы ни были, а вместо этого навестить своего бывшего коллегу, который находился в Морском госпитале в Гринвиче. Но когда Алекс встал сегодня утром, его камердинер Фрейзер с угрюмым видом сообщил ему, что не было никаких распоряжений из адмиралтейства, но зато пришло срочное письмо от его адвокатов. Открыв послание мистера Чёрчвада, он почувствовал, что волнение этого джентльмена прямо-таки стекает со строк его письма, в котором он призывал его немедленно прибыть в его контору для встречи.

И вот Алекс сидел теперь здесь, хотя мистер Чёрчвад не проронил ни слова о деле, поскольку леди Джоанна Уэр еще не прибыла. Это было бы, по словам мистера Чёрчвада, крайне несправедливо с его стороны – знакомить лорда Гранта с сутью проблемы до того, как прибудет ее светлость.

Алекс нетерпеливо барабанил пальцами по крышке стоящего рядом стола. Сегодня у него болела нога, несомненно, результат его упражнений в бальном зале миссис Каммингс накануне вечером. Да и вообще он отвратительно себя чувствовал. В рабочем кабинете мистера Чёрчвада царила тишина, слышались лишь шелест бумаг, приглушенный шум улицы, да раздавалось тиканье часов.

Алекс не собирался видеться с леди Джоанной Уэр до своего отъезда из Лондона, и тот факт, что он будет вынужден сделать это, – если, конечно, она соизволит прибыть, – сильно раздражал его. Он убеждал себя, что дело не в том, что леди Джоанна вчера вечером отвергла его публично и унижительно, как и обещала. Она ведь честно предупредила его об этом заранее, но он недооценил ее и был за это наказан. Но не это волновало его. То, что его так тревожило, было связано с последними словами Дэвида Уэра.

Раньше Алекс никогда не сомневался в честности своего умершего друга, и ему не давало покоя то, что сейчас он подвергает это сомнению. Бледное лицо Джоанны Уэр стояло у него перед глазами, и выражение этого лица заставило его почти физически ощутить боль, как от удара в живот. «Вы считаете, что именно я была во всем виновата... Жаль, что вы этому верите», – вспомнил он ее слова.

В тот момент он почувствовал, как ей больно. Он не хотел поддаваться чувству жалости к ней, но ничего не мог с собой поделать.

Легко обожествлять человека после его смерти, особенно такого, как Дэвид Уэр, подумал Алекс. Джоанна, должно быть, была прекрасным дополнением его славы. Но затем, видно, что-то случилось, что-то у них пошло не так. «Вы считаете, что именно я была не права...»

Да, где-то глубоко в душе Алексу было жаль Джоанну Уэр. Но вместе с тем сомнения на ее счет не исчезли полностью. Алекс помнил, как, умирая, Уэр назвал свою жену лживой стервой, манипулирующей людьми, и произнес он эти жестокие слова с горечью в голосе. Должна же была на то быть причина...

Алекс с раздражением отмел эти мысли. Ему было не совсем понятно, почему он столько времени тратит на размышления по поводу Джоанны Уэр. Он сердился на себя за то, что его притягивает к ней какая-то странная сила, полностью противоречащая желаниям их обоих. Но он никак не мог избавиться от этого чувства. Оно нарастало. Становилось просто невыносимым. Ему было неприятно влезать в личные дела Дэвида Уэра. Когда он привез письмо своего умершего друга адвокатам, он посчитал, что это все, что от него требовалось, тем не менее он сейчас здесь и против своей воли оказался вовлечен в дела Уэра. Алексу очень хотелось поскорее уйти отсюда.

За дверью послышался шум, и клерк с театральной напыщенностью распахнул ее. Леди Джоанна Уэр вошла в комнату. Алекс поднялся ей навстречу. Мистер Чёрчвад тоже встал, чтобы поприветствовать ее, но сделал это настолько поспешно, что опрокинул со стола стопку бумаг.

– Миледи!

Чёрчвад на секунду замер, и по его лицу Алекс понял, что тот почувствовал в тот момент. Появление Джоанны сопровождалось чем-то ярким и удивительно жизненным. Алекс был крайне удивлен, можно даже сказать, ослеплен, ему вдруг почудилось, что он смотрит прямо на солнце. Это показалось ему странным, потому что его главное впечатление от Джоанны с самого начала было иным – она была холодна, сдержанна и высокомерна, теперь же Джоанна излучала тепло и радушие и была само очарование. Как будто перед ним совершенно другая женщина. Она пожала руку мистера Чёрчвада и улыбалась,

радуясь встрече с адвокатом, от ее надменного выражения лица не осталось и следа, наоборот, она не скрывала радости, и это, похоже, было вполне искренне.

В это утро Джоанна была одета в бледно-желтое шелковое платье, которое дополнял короткий шерстяной жакет соответствующего цвета, отороченный черным кружевом. Ее зачесанные наверх каштановые кудри украшала очаровательная шляпка. Дух захватывало от того, насколько она была хороша, молода и обманчиво невинна. Наряд был модным, дорогим, сидел на ней как с иголочки, и вместе с тем было в нем что-то искушающее. Алекс, который совершенно не интересовался модой, никак не мог понять, почему этот приличный наряд производил на него противоположное впечатление: ему он казался просто шокирующим. Платье закрывало ее тело полностью, и именно это и вызывало у него желание снять с нее все и как можно скорее. Он переступил с ноги на ногу.

– Я искренне удивлен тому, что ваша собака умеет ходить, – сказал он, когда терьер вбежал вслед за Джоанной в комнату. Его головку украшала синяя ленточка, удивительно гармонирующая по цвету с ее нарядом. – Надеюсь, что прогулка от кареты до офиса не оказалась для него слишком утомительной.

Джоанна повернулась к нему. Ее ярко-синие глаза сияли, но Алекс сразу же понял по выражению ее лица, что она совсем не рада видеть его. Ее соблазнительные губы превратились в тонкую полоску, а уголки их опустились вниз, явно выражая неодобрение.

– Мою собаку зовут Макс, – пояснила она, – он – охотничий бордертерьер и может быть весьма агрессивным. Он просто предпочитает не утруждаться.

Песик, как бы в подтверждение ее слов, снисходительно принял печенье, которое мистер Чёрчвад достал из ящика стола, привычно свернулся клубочком на освещенном солнцем коврике и мирно уснул.

– Мистер Чёрчвад не говорил мне, что вы будете здесь, – добавила Джоанна. – Я не ожидала увидеть вас.

– Я не рассчитывал быть здесь, – сказал Алекс, подавая ей стул. – Так что мы оба несколько разочарованы. – Он пожал плечами и повернулся к адвокату. – Поскольку леди Джоанна, наконец, осчастливила нас своим присутствием, –

продолжил он, – может быть, мы приступим к делу?

– Благодарю вас, милорд, – холодно отозвался мистер Чёрчвад. Он еще немного повозился с бумагами и поправил очки, сползавшие у него с носа. – Мадам... – Его голос выдавал волнение, и Алекс понял, что тот пытается справиться со своими эмоциями, – позвольте мне сначала заметить, как я огорчен, как искренне я огорчен, что обязан сообщить вам плохие новости в связи со смертью вашего мужа. Когда мы встречались с вами год назад для того, чтобы обсудить ужасные условия, изложенные в его завещании... – Он прервал свою речь и покачал головой. – Мне очень больно, – добавил он, – навлекать на вас еще большие проблемы.

– Дорогой мистер Чёрчвад, – в голосе Джоанны было гораздо больше теплоты, чем Алекс когда-либо слышал, – вы заставляете меня нервничать! – Она ободряюще улыбнулась адвокату, хотя Алекс почувствовал, что за маской непринужденности она скрывает все нарастающее беспокойство. – Вы не можете нести ответственность за поведение моего покойного мужа, – добавила Джоанна. – Прошу вас, не вините в этом себя.

Алекс переводил взгляд со спокойного лица Джоанны на озадаченное, страдальческое лицо мистера Чёрчвада. Он впервые задумался о том, какие распоряжения дал Дэвид Уэр в своем завещании и в дополнении к нему, том самом документе, который он лично привез из Арктики по просьбе Уэра. Алекс предполагал, что его покойный друг оставил свое довольно значительное состояние леди Джоанне, чтобы та могла позволить себе продолжать тот роскошный образ жизни, к которому она привыкла. Это было бы в духе Уэра, в соответствии с его понятиями о чести и долге. Но теперь, вглядываясь в угрюмое лицо адвоката – и помня о высказывании Уэра в адрес жены, – Алекс впервые осознал, что его предположение могло быть неверным.

– Каковы были условия, изложенные в завещании лорда Уэра? – резко спросил он, прерывая их диалог.

Леди Джоанна и адвокат даже вздрогнули от неожиданности, как будто они совсем забыли, что он тоже находится здесь. Джоанна не захотела встретиться с ним взглядом, предпочитая разглаживать складки на платье нервными, беспокойными движениями. Чёрчвад же покраснел.

– Извините, милорд, но мне кажется, это вас не касается, – произнес он.

Джоанна резко подняла голову и посмотрела на Алекса, он даже физически ощутил ее взгляд, будто его ударили чем-то острым.

– Напротив, мистер Чёрчвад, – сказала она, – мне кажется, что лорд Грант присутствует здесь, потому что Дэвид каким-то образом впутал его в мои дела. Если это так, то ему следует знать все с самого начала.

– Если вы настаиваете, мадам, – раздраженно заметил Чёрчвад. – Но это противоречит всем правилам.

– Дэвид никогда не подчинялся никаким правилам, мистер Чёрчвад, – заметила Джоанна. Она снова посмотрела на Алекса и глубоко вздохнула, видно было, что она с трудом подбирает слова. – Мой покойный муж, – наконец произнесла она, – завещал поместье своему кузену Джону Хагану, оставив меня без гроша. – Она выдержала паузу. – Вы, должно быть, знаете, что Мейбоул был приобретен на деньги, которые Дэвид получил как приз от военно-морского флота? – Она снова выдержала паузу, подождая, пока Алекс кивнет в знак согласия. Дэвид Уэр, на правах младшего сына, не унаследовал родовое имение. Он приобрел участок земли в Мейбоуле в графстве Кент и построил безвкусный особняк.

– Согласно его распоряжениям, – объяснила Джоанна, – я осталась в весьма стесненном финансовом положении. – Она опять лишь мельком взглянула на Алекса и продолжила расправлять несуществующие складки на безупречно сидящем на ней платье. – Он не объяснил мне причину своих действий, – закончила она, – но, несомненно, у него были на то свои соображения.

– Да, конечно же были, – согласился Алекс. Он был потрясен и озадачен тем, что его покойный друг поступил так с женой, оставив ее без средств к существованию. Это было так не похоже на Уэра, подумал Алекс, но ведь тот ясно дал ему понять, что имеет достаточно веские причины не доверять жене. – Насколько мне известно, Уэр хорошо разбирался в людях и никогда не принимал решения, не имея на это веских оснований, – сухо констатировал Алекс. – У него, должно быть, были существенные причины для недовольства.

Он видел, как краска негодования залила щеки Джоанны.

– Благодарю вас за непредвзятое мнение, – холодно заявила она. – Мне, несомненно, следовало бы догадаться, что вы примете его сторону, даже не имея никаких доказательств.

– Непростительно было со стороны лорда Дэвида оставлять леди Джоанне такое скромное обеспечение, – пробормотал Чёрчвад. Алекс с интересом заметил, что адвокат даже не пытался скрыть свое предвзятое к Уэру отношение. – Герои так не поступают.

– Вам наверняка была предоставлена вдовья часть, леди Джоанна? – резко произнес Алекс. – Ни за что не поверю, что Уэр мог оставить вас без гроша.

Наступила напряженная тишина. Джоанна слегка прикусила губу.

– Дэвид действительно оставил мне небольшую сумму денег, это – правда...

Алекс почувствовал облегчение, осознав, что его уверенность в умершем друге была небезосновательной. Он ясно представил себе, что могло произойти. Должно быть, Уэр оставил своей жене хорошее состояние, но она распорядилась им настолько неразумно, что ей его не хватило.

– Скорее всего, вы, с вашей экстравагантностью, очень быстро потратили эти деньги? – констатировал Алекс. Он позволил себе даже не скрывать усмешку и откровенно оглядел Джоанну с ног до головы. – Подозреваю, сколько может стоить ваше содержание.

– Я – не карета, которую нужно содержать, – надменно заявила Джоанна. – Да, и я... – она поправила складки желтой шелковой юбки, – я высоко ценю красивые вещи...

– В этом случае вы можете винить только себя, – спокойно произнес Алекс. – Это – вопрос экономии. Если у вас нет достаточной суммы, вы не можете позволить себе потратить ее.

– Благодарю вас за ценный совет, – парировала Джоанна. На ее щеках выступил легкий румянец, а в глазах сверкал гнев. – Вчера вечером вы без колебаний утверждали, что Дэвид ненавидел меня, лорд Грант. – Она слегка повела

рукой. – Полагаю, вы будете очень довольны, если найдется подтверждение вашей уверенности.

– Милорд! – В голосе Чёрчвада звучал упрек. – С вашей стороны просто непростительно делать подобные предположения.

– Но это – правда, – тихо сказала Джоанна. – Дэвид ненавидел меня и вечно искал варианты, как наказать меня любыми возможными способами даже после своей смерти. Конечно, он всегда отличался изобретательностью и не скрывал этого. – Она вздохнула. – Как бы там ни было, мы должны это принять как должное и заняться текущими делами.

– Одну минутку. – Алекс поднял руку.

Он подумал о великолепном доме на Хаф-Мун-стрит и о тех очаровательных и дорогих вещах, которыми леди Джоанна окружила себя. Ему стало интересно, кто оплачивал все это, если ее вдовья доля была такой мизерной, какой она ее представила. Ближайшие родственники Дэви да Уэра давно уже отошли в мир иной, а, по имеющимся у Алекса сведениям, сама Джоанна была родом из относительно небогатой семьи помещика. Если Алекс действительно оставил ее без гроша в кармане, то тогда ее теперешнее богатство выглядело, по меньшей мере, странно и неправдоподобно.

– Если вы унаследовали такую небольшую часть состояния Уэра, а большая часть отошла Джону Хагану, – медленно произнес он, – на что же вы живете?

Он услышал, как мистер Чёрчвад шумно фыркнул, выражая негодование. Адвокат, как и сама леди Джоанна, понял всю двусмысленность его вопроса.

– Кто вас обеспечивает? Любовник?

Голубые глаза леди Джоанны уставились на него с насмешкой. Она немного приподняла брови, а ее губы презрительно изогнулись.

– Мне казалось, что в Морской академии учат хорошим манерам, лорд Грант, – твердо сказала она. – Вы, вероятно, прогуливали эти лекции?

– Мне проще задать прямой вопрос, когда я хочу получить ясный ответ, – ответил Алекс.

– Но вы ведь не командуете своими подчиненными в данном случае, – парировала Джоанна. Она приподняла одно плечо, показывая неодобрение его тона. – Но я тем не менее отвечу вам, – произнесла она очень сдержанно и холодно. – Дом на Хаф-Мун-стрит принадлежит мистеру Хагану. Что же касается всего остального – приготовьтесь, я скажу вам нечто очень неприятное. – Ее ярко-синие глаза с насмешкой смотрели на него. – Надеюсь, вы – достаточно сильный человек, чтобы достойно принять это, лорд Грант. – Она выдержала паузу. – Я зарабатываю на жизнь.

– Вы работаете? – Алекс был шокирован. – Но кем? – Он даже не стал скрывать недоверие.

Джоанна рассмеялась.

– Конечно уж, не куртизанкой. – В ее тоне отчетливо слышались саркастические нотки.

– Милорд, миледи! – вмешался мистер Чёрчвад. Кончики его ушей стали пунцовыми. – Я умоляю вас.

Джоанна опустила глаза:

– Люди платят мне за внутреннее оформление домов, лорд Грант. Считается, что у меня превосходный вкус. Они хорошо мне платят, а несколько лет назад я получила наследство от моей тетушки. – Джоанна повернулась в кресле, на котором сидела, и снова взглянула на мистера Чёрчвада, вид которого явно говорил о том, как неудобно он себя чувствует. – Но мы отклонились от темы. Как я понимаю, мистер Чёрчвад собирается сообщить мне нечто еще более неприятное. Давайте дадим ему эту возможность.

– Благодарю вас, миледи, – грустно произнес Чёрчвад. Он положил на крышку стола письмо, которое Алекс доставил за два дня до этого, и разгладил его, как будто думал, что, проведя по нему руками, он сможет как-то сгладить то, что было в нем написано. – Лорд Грант доставил мне это письмо по поручению вашего супруга, – сказал он, обращаясь к Джоанне. – Это – дополнительное

распоряжение к его завещанию.

– Дэвид вручил мне его, когда умирал, – пояснил Алекс.

Джоанна задумчиво посмотрела на него. Но ее взгляд был ему непонятен. В синих глазах отражалась тревога.

– Еще один мелодраматический жест умирающего, – прокомментировала она. – Вы не упомянули об этом, когда приходили ко мне, лорд Грант.

– Да, – сказал Алекс, – не упомянул об этом, так как не знал, имеет ли содержание этого послания какое-либо отношение к вам.

Он видел, что Джоанна опустила ресницы, закрывая глаза и пряча еще глубже то, что в них отражалось. Она была встревожена, но это проявлялось только в том, что она постукивала пальцами по столу. Тем не менее он знал, о чем она думает. Он мог прочитать ее мысли так же четко, как если бы она произносила их вслух. Алекс понимал, что Джоанна считала его пешкой в игре Дэвида, что тот смог использовать его благодаря его преданности ему. Ему было неприятно, что она так судит о нем, как будто он не имеет собственных суждений. Он с горькой иронией признался самому себе, что тоже осуждает Джоанну Уэр. Но не потому, что знает ее, а просто потому, что так сказал Дэвид Уэр. Обстановка в комнате становилась напряженной, даже в воздухе чувствовалась неприязнь.

– Прошу вас, мистер Чёрчвад, продолжайте, – вежливо попросила Джоанна.

Чёрчвад откашлялся.

– «Написано моей собственной рукой, лордом Дэвидом Уэром 7 ноября года девятого. – Чёрчвад взглянул на них поверх очков. – Я пришел к выводу, что был несправедлив, – продолжал он читать, – оставив так мало в моем завещании своей жене леди Джоанне-Каролине Уэр. Я понимаю, что различные лица могут отнестись с неодобрением к тому, как я поступил по отношению к ней, и именно поэтому я стараюсь восстановить справедливость в данном дополнении к завещанию...»

Алекс посмотрел на Джоанну. Она не выглядела как женщина, предвкушающая неожиданный подарок, о котором до сих пор ничего не знала. Наоборот, лицо ее говорило о том, что она ожидает чего-то крайне неприятного.

– «Я поручаю леди Джоанне заботу, – мистер Чёрчвад сделал паузу и глотнул с таким трудом, что его кадык резко дернулся вверх и вниз, – о моей дочери Нине-Татьяне Уэр...»

Алекс не мог поверить своим ушам, он был просто шокирован. Он знал, что у Уэра была русская любовница во время их последней экспедиции в Арктику. Связь Уэра с девушкой не была ни для кого секретом, он даже хвастался, рассказывал, что она была из знатной семьи поморов, хотя и нашел он ее в борделе. Люди Уэра подшучивали насчет неразборчивости Уэра в связях, а также над тем, что даже во время путешествия, где практически не было женщин, он нашел время и возможности для распутства. Алекс думал, что девица уехала с острова Шпицберген на материк в Россию. Но Уэр никогда раньше не упоминал о ребенке. Алекс мог только предположить, что приближение смерти заставило его друга предпринять какие-то действия по отношению к своей незаконнорожденной дочери.

Слова, произносимые Чёрчвадом, снова привлекли его внимание.

– «Нине сейчас восемь месяцев, она – сирота и живет в монастыре в Беллсунде на Шпицбергене. – Голос адвоката дрожал. – Я знаю, что моя жена будет счастлива узнать об этом доказательстве моей способности иметь детей...» – Голос Чёрчвада перешел на шепот, и адвокат замолчал. Алекс снова посмотрел на Джоанну и увидел, что она стала бледнее, огромные синие глаза на мертвенно-бледном лице. – Мадам? – не получая поддержки, спросил Чёрчвад.

– Умоляю, продолжайте, – снова произнесла Джоанна, ее тон был твердым и уверенным.

– «В своем завещании я ставлю два обязательных условия, – продолжал читать Чёрчвад. – Во-первых, моя супруга должна лично отправиться в Беллсундский монастырь на Шпицбергене, где в настоящее время заботятся о моей дочери, и привезти ее в Лондон, где она будет жить у нее. – Чёрчвад говорил все быстрее и быстрее, как будто ему казалось, что, если он будет читать медленнее, важность произносимых им слов уменьшится. Адвокат быстро взглянул на

Джоанну и Алекса, его взгляд был взглядом кролика, попавшего в поле зрения браконьера. – Я понимаю, – тем не менее продолжал Чёрчвад, письмо дрожало у него в руках, – что Джоанна будет очень недовольна теми условиями, которые я ставлю, но ее желание иметь ребенка настолько сильное, что у нее не останется выбора, как только отправиться в это крайне опасное и обременительное путешествие, чтобы спасти мою дочь».

Чёрчвад остановился, так как Джоанна шумно и резко вздохнула.

– Мадам, – снова произнес он.

Джоанна побледнела еще сильнее, ее лицо приобрело такой мертвенно-бледный оттенок, что Алекс подумал, что она может упасть в обморок.

– Он бросил младенца в монастыре, – прошептала Джоанна. – Как мог он так поступить?

Алекс резко поднялся и распахнул дверь в коридор, громко крикнув, чтобы принесли стакан воды. Какой-то клерк со всех ног бросился выполнять его просьбу.

– Нужен свежий воздух, – сказал Чёрчвад, распахивая окно и устраивая сквозняк, который разметал бумаги со стола по всей комнате, – жженные перья и нюхательная соль.

– Коньяк, – угрюмо возразил Алекс, – это то, что нужно.

– Я не держу спиртное на рабочем месте, – пояснил Чёрчвад.

– Думаю, вам пригодилось бы иногда прибегать к нему, – заметил Алекс, – на благо вас самого и ваших клиентов, мистер Чёрчвад.

– Я прекрасно себя чувствую, – вмешалась Джоанна. Она сидела прямо, все еще очень бледная. Алекс с силой вложил стакан воды в ее руку и придерживал его, положив свою руку поверх ее. Джоанна как будто задумалась и внимательно посмотрела на него, прежде чем поднести стакан ко рту и послушно выпить воды. Постепенно ее лицо вновь обрело краски. – Итак, – сказала она через

несколько минут, – моему покойному мужу удастся манипулировать мной из могилы. Это – большое достижение. – Она не отвела глаза, когда встретилась взглядом с Алексом. – Вы знали о том, что у Дэвида была незаконнорожденная дочь, лорд Грант? – Она аккуратно поставила стакан на стол.

– Нет, – ответил Алекс. – Я знал, что у него была любовница, но не знал, что она родила от него ребенка. Она была русской, говорила, что из знатной семьи поморов. Я думал, что девушка вернулась на материк, но она, видимо, умерла незадолго до смерти Дэвида, поскольку ребенок теперь сирота.

Взгляд Джоанны ничего не выражал, иллюзий не осталось.

– Русская знатная дама, – медленно произнесла она. – Дэвиду это, несомненно, льстило и повышало его самомнение!

– Это была молодая девушка, – возразил Алекс, – необузданная и распутная. Думаю, что семья выгнала ее из дома и не хотела иметь с ней ничего общего. – Грант увидел, каким напряженным стало лицо Джоанны, и почувствовал, как что-то перевернулось в его душе. – Мне очень жаль, – сказал он и понял, что это были не пустые слова сожаления, он действительно искренне переживает все это.

Каким бы ни было его мнение о Джоанне Уэр, он понимал, что это не тот случай, когда он может противостоять ей, так как женщине сейчас должно быть очень тяжело. Он не мог не восхититься ее готовностью заниматься воспитанием незаконнорожденного ребенка покойного мужа.

– Я не настолько наивна, чтобы думать, что Дэвид был не способен на такой поступок, – медленно произнесла Джоанна. – Возможно, я должна быть даже благодарна, что у него нет других детей, разбросанных по всему свету, о которых мне ничего не известно. – Она посмотрела на Алекса: – Вам что-нибудь известно о других его детях, лорд Грант?

– Нет. – Алекс вздрогнул. – Мне действительно жаль, что так получилось, – сказал он и подумал о том, что ему всегда было трудно мириться с распутным поведением Уэра.

Тем не менее некоторые люди воспринимали бесстыдное распутство Уэра как неотъемлемую составляющую его героической, харизматической личности. Алекс же, наоборот, считал это единственной слабостью Дэвида Уэра, но он ему это прощал, поскольку супружеское ложе Уэра было холодным, а его отношения с женой были крайне натянутыми и неприязненными.

Он посмотрел на Джоанну. Она не была похожа на женщину, которая не способна привлечь мужчину в постели. Совсем наоборот, она казалась страстной, привлекательной и в высшей степени соблазнительной. Какой бы ни была у них ссора с Уэром, но обида должна была быть очень горькой и глубокой, чтобы Джоанна порвала с ним отношения.

– А вы и не пытаетесь смягчить удар. – На губах Джоанны играла легкая улыбка. – От вас не дожидаться сочувствия, не так ли, лорд Грант?

– Боюсь, что нет, – ответил Алекс. – Мне также жаль, что Уэр счел возможным просить об этом.

– Именно это я тоже хотел бы сказать, – поспешно вставил мистер Чёрчвад.

– Боюсь, – продолжал Алекс, – он не совсем отдавал себе отчет в поступках, вверяя будущее своей дочери леди Джоанне.

Он видел, как широко открылись глаза Джоанны, она была шокирована.

– Вы считаете, что я недостойна опекать девочку?

– А разве я могу думать иначе? – спросил Алекс. – Уэр не верил вам. Он говорил мне об этом. Я не понимаю, почему он доверил вам воспитание дочери.

Джоанна с силой закусилла нижнюю губу.

– Вы все время полагаетесь на суждения Дэвида, лорд Грант, – сказала она. – А есть у вас свое собственное независимое мнение?

Алекс с силой ударил плашмя ладонью по столу, раздался хлопок, и груды документов подпрыгнули и разлетелись по комнате. Он был в ярости; злился на

Уэра за то, что тот использовал его как орудие в своем желании отомстить жене; на Джоанну за ее вопрос, на себя за то, что на доли секунды усомнился в своей верности другу. Но поскольку он допустил сомнения, подозрения и предчувствие чего-то опасного уже не покидали его.

– Уэр был моим другом и товарищем более десяти лет, – сказал он сквозь зубы. Алекс сам не был уверен, хотел он убедить в этом Джоанну или себя самого. – Он всегда был непререкаемым авторитетом, вдохновляющим людей на подвиги. Он ни разу не подвел меня. Несколько раз он спас меня от неминуемой смерти. Поэтому – да, я полностью доверяю ему и его суждениям.

Алекс и Джоанна смотрели друг на друга, пока мистер Чёрчвад не поднял руку в знак примирения.

– Лорд Грант, – голос мистера Чёрчвада заставил их осознать действительность, – вы позволите отложить дискуссию, пока я не дочитаю послание? – Он протер очки, водрузил их на нос и продолжил чтение: – «При сем далее вместе с моей женой я назначаю моего друга и товарища Александра, лорда Гранта, опекуном моей дочери Нины, чтобы тот мог разделять всю ответственность и принятие всех решений, касающихся воспитания девочки. – Мистер Чёрчвад откашлялся. – Кроме этого, лорд Грант будет единственным опекуном, контролирующим все финансовые аспекты, касающиеся воспитания и образования моей дочери».

– Что?! – взорвался Алекс, почувствовав себя пойманным в ловушку, сбитым с толку, и это привело его в ярость.

Он с трудом мог поверить тому, что услышал. Уэр был его другом с детства. Алекс считал, что они очень хорошо знают друг друга. Тем не менее, зная его историю, его образ жизни и особенности, которые накладывала на него его профессия, Уэр поставил его в затруднительное положение, возложив на него ответственность за своего ребенка, его благосостояние и воспитание – ответственность, которую Алекс вынужден будет разделять с женой Дэвида Уэра, которую тот ненавидел... Вот уж действительно, Уэр сошел с ума, подумал Алекс. Или он постарался впутать Алекса в свои планы мести жене, не принимая во внимание ничьи чувства, кроме своих собственных, но Алекс не мог, не хотел поверить в то, что человек, имеющий такие достоинства, как Уэр, способен поступить подобным образом.

Он посмотрел на Джоанну. Ее глаза горели холодно, как два сапфира.

– Итак, – медленно произнесла она, – ребенок должен будет жить со мной, но кошелек будете раскрывать для нас обеих вы, лорд Грант.

– Похоже на то, – согласился Алекс. Он чувствовал, как взгляд Джоанны сверлит его с такой силой, что мог осязать силу ее ярости и негодования, невзирая на те усилия, которые она прикладывала, чтобы скрыть свои чувства. – В самом начале сегодняшнего мероприятия вы утверждали, что ничего не знаете о содержании этого письма, лорд Грант. – Джоанна говорила твердо и сухо, не скрывая скептицизма. – Мне трудно в это поверить, поскольку вы и Дэвид, совершенно очевидно, ничего не скрывали друг от друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Соломенная вдова – замужняя женщина, чей муж должен вернуться через определенное время, обычно после путешествия по морям. Слово «солома» здесь соотносится с матрасом, который обычно и набивают соломой. «Вдову» оставляют дома на соломе (матрасе). Это выражение также может означать покинутую любовницу. Оно имеет оттенок недоброжелательности, двусмысленности и злопыхательства.

----

Купить: [https://tellnovel.com/kornik\\_nikola/shepot-skandala](https://tellnovel.com/kornik_nikola/shepot-skandala)

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)